

КУЛЬТУРНЫЯ СОКРОВИЩА РОССІИ.

Милій Достоевскій.

СТАРИНА и БЫТЬ
СРЕДНЕЙ АЗИИ.

Издание Т-ва „Образование“.
МОСКВА.
1917.

Самаркандъ—лицо земли,
Бухара—мать Ислама,
Если бы въ Мешхедѣ не было бирюзово-
ваго¹⁾ купола,
Мірѣ походили бы на помойную яму.

(Таджикскій стихъ).

Путешественникъ, въѣзжающій въ Туркестанъ со стороны Россіи по линіи Самара — Ташкентъ, уже съ Оренбурга начинаетъ чувствовать вліяніе Азіи.

Первое, что бросается въ глаза, — это необозримыя степи; ровныя—безъ одинаго бугорка, безъ одинаго дерева, пустынныя,— безъ какого бы то ни было признака жизни.

Безпредѣльныя — онѣ поражаютъ и давятъ своимъ величіемъ; мертвыя—онѣ очаровываютъ красотой покоя.

Цѣлыми часами несется поѣздъ, встрѣчая на своемъ пути только одинокіе станціонные домики, да изрѣдка юрты кочующихъ киргизовъ.

Особенно гнетущее впечатлѣніе на европейца производитъ путь въ районъ Казалинскаго уѣзда: песчаное волнующееся море. Жутко смотрѣть, какъ при порывахъ вѣтра оно оживаетъ, грозя поглотить своими сухими волнами все, что ни попадаетъ на пути.

Проведеніе желѣзнодорожнаго пути черезъ эту пустыню стоило колоссальнаго труда.

Люди гибли отъ палящаго зноя и недостатка воды, проложенные рельсы при первомъ порывѣ вѣтра покрывались пескомъ, встрѣчныя орды киргизъ, чувствуя непонятный ужасъ передъ пришельцами, всячески старались тормозить движеніе въ глубь Азіи.

¹⁾ Бирюзовый куполь въ бестѣ Мешхеда покрываетъ гробницу Имама Ризы, наиболѣе чтимаго шиитскаго святого, отравленнаго Халифомъ Аль-Мамуномъ въ 813 г. по Р. X.

Но люди, пришедшіе прокладывать путь, вооруженные знаніемъ и терпѣніемъ были сильнѣе песчаного и моря и дикихъ туземцевъ. Стихія и первобытный человекъ были побѣждены, препятствія всѣ, устранены и теперь скорый поѣздъ въ составѣ нѣсколькихъ комфортабельныхъ вагоновъ въ теченіе 50 часовъ пересѣкаетъ эту, казалось бы непроходимую, Туркестанскую равнину.

Въ Ташкентѣ, культурномъ и административномъ центрѣ русскаго Туркестана, вы уже рѣзко чувствуете дыханіе востока. Иные люди, иная природа, иные памятники прошлаго,—все указываетъ на то, что западъ съ его исторіей и цивилизаціей остался позади, а передъ глазами встаетъ таинственный и дикій очаровательный, но неразгаданный востокъ.

Для путешественника особенно своеобразный интересъ представляетъ туземный городъ, съ его узкими, кривыми улицами, съ его знаменитымъ Гюль-базаромъ, съ его величественными мечетями и 200-тысячнымъ населеніемъ.

Время основанія Ташкента (Ташъ-кентъ, значитъ каменный городъ) и его первоначальная исторія точно не извѣстны. По народнымъ сказаніямъ городъ стоялъ прежде въ 40 вер. отъ теперешняго и въ разное время носилъ различныя названія: Чачъ, Шашъ, Джаджъ и Бинкентъ. Первые историческія данныя о Ташкентѣ имѣются лишь съ VII в. Въ VIII в. онъ былъ завоеванъ арабами, власть которыхъ продолжалась до XI в., когда страной завладѣли турки Харезма, а затѣмъ и монголы, въ лицѣ Чингизъ-хана, взявшаго Ташкентъ въ 1220 г.

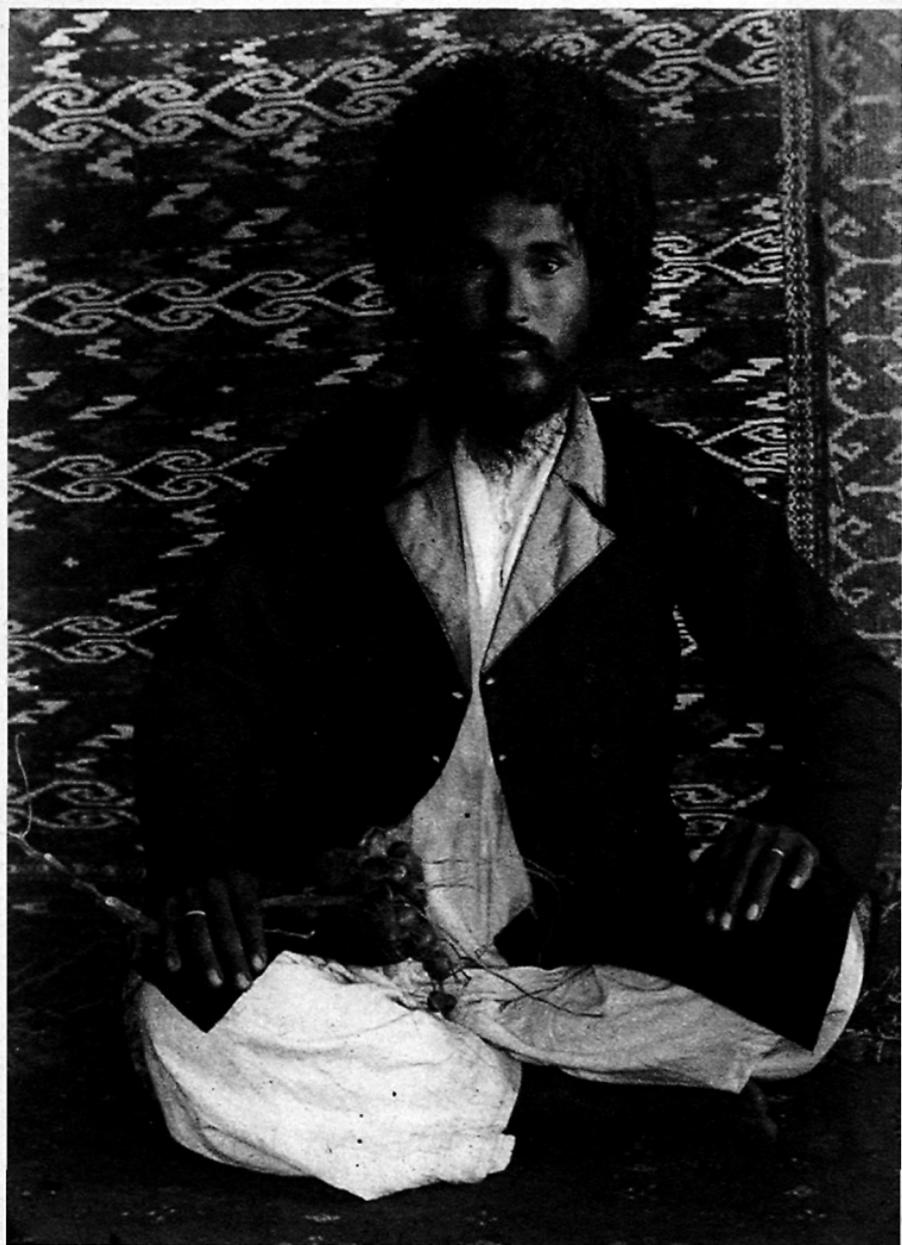
Со второй половины XIV в. онъ дѣлается извѣстнымъ русскимъ подъ именемъ Ташкура и начинаетъ заинтересовывать собою русскихъ купцовъ. Послѣ непрерывныхъ боевъ между Бухарскимъ и Кокандскимъ ханами, когда городъ переходилъ изъ рукъ въ руки, войска русскаго правительства, подъ руководствомъ генерала Черняева овладѣли Ташкентомъ 15 іюня 1865 года.

При кокандскомъ владычествѣ Ташкентъ былъ окруженъ ровомъ и глинобитной стѣной, часть которой, со стороны русскаго города въ настоящее время разрушена совершенно, а съ другихъ сторонъ хотя и сохранилась, но ворота въ ней не запираются.

Туземный городъ представляетъ собою лабиринтъ узкихъ и кривыхъ немощенныхъ улицъ, окаймленныхъ сѣрожелтыми глиняными стѣнами домовъ и заборовъ съ маленькими отвер-

Турмень племені «Гоклань».

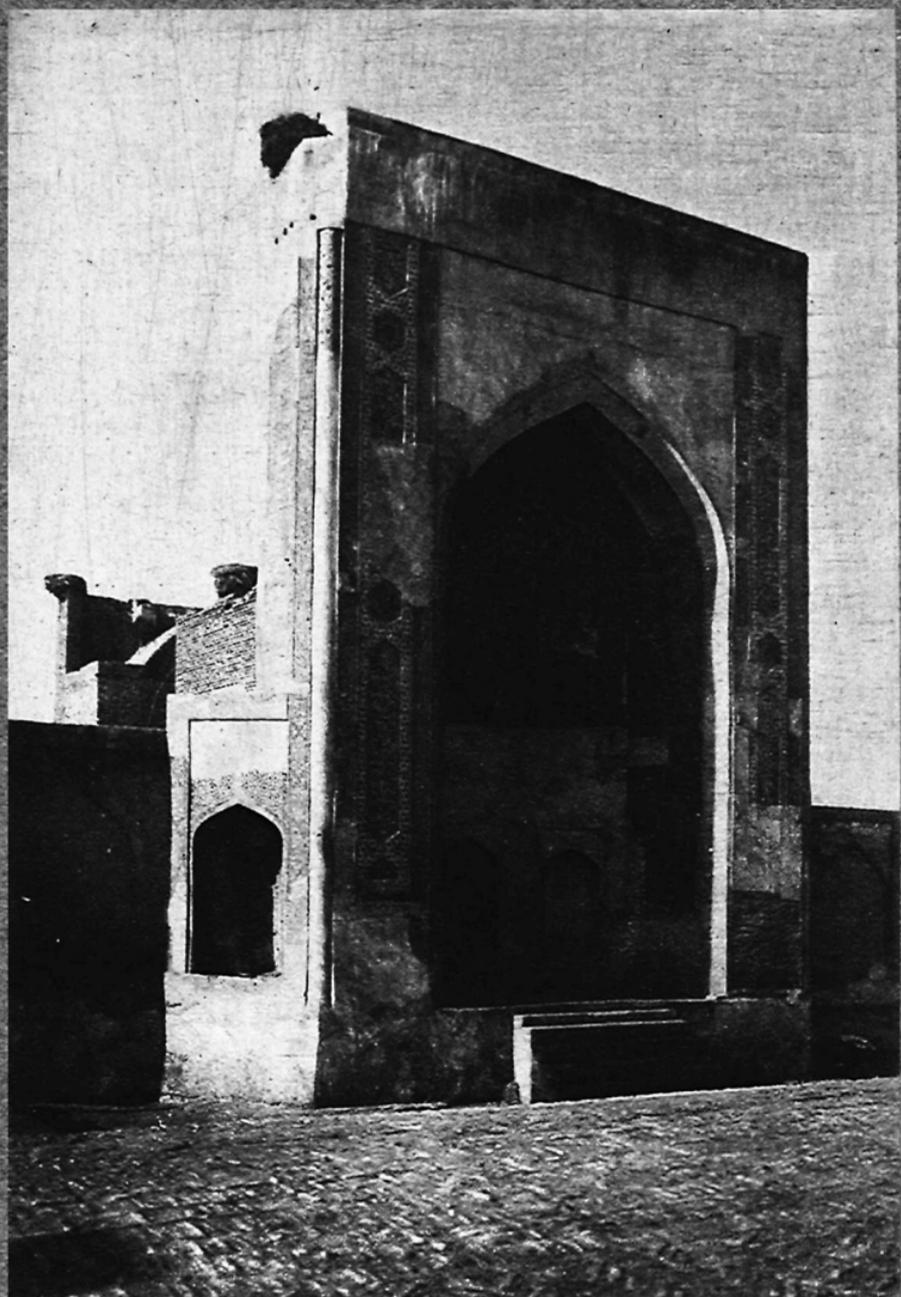
стіями для прохода; оконъ на улицу нѣтъ; дома большею частью одноэтажныя; освѣщенія нѣтъ. Однообразный унылый видъ кварталовъ нарушается только на перекресткахъ мечетями, медресе и могилами святыхъ. Въ центрѣ города помѣщается обширный (до 4500 лавокъ) частью крытый Гюль-базаръ, множество чай-хане, харчевенъ, мастерскихъ и караванъ-сараявъ, переполненныхъ шумной толпой. Въ базарные дни улицы, ведущія къ центру и самый базаръ переполняются массой народа, стадами и караванами животныхъ, всадниками и арбами до такой степени, что движеніе становится крайне затруднительнымъ. Картину азіатскаго города дополняютъ темныя фигуры женщинъ въ темно-синихъ халатахъ, съ завѣшаннымъ волосаюй сѣткой лицомъ, группы странствующихъ дервишей, крики разнощиковъ, пѣніе нищихъ и ревъ верблюдовъ. Особенно оригинальный видъ имѣетъ базаръ во время уразы, мосульманскаго праздника, когда ѣсть и пить разрѣшается только послѣ захода солнца и когда ночью базаръ переполняется народомъ, который пируетъ до утра и веселится въ балаганахъ и циркахъ.

Несмотря на то, что теперь на одной изъ улицъ туземнаго города пробѣгаетъ трамвай и построены многоэтажные корпуса московскихъ мануфактурныхъ фабрикъ, вліяніе западной культуры на общественный укладъ туземнаго населенія отразилось очень слабо. Сарты попрежнему чуждаются русскихъ школь и попрежнему придерживаются своихъ обычаевъ и привычекъ. Формы ихъ общественной жизни очень несложны; въ рѣшеніи вопросовъ внутренняго распорядка, они руководятся правилами шаріата и указаніями корана. Исламъ положилъ отпечатокъ на всѣ области ихъ существованія и муллы, какъ представители такого, пользуются наибольшимъ авторитетомъ. Единственныя области, куда русское вліяніе проникаетъ все больше и больше— это торговля и промышленность. Здѣсь сарты съ каждымъ годомъ теряютъ свою самостоятельность и зависимость ихъ отъ русскаго рынка все осложняется. Правда, домашній обиходъ средняго обывателя и сейчасъ еще обслуживается кустарными промыслами, заключающимися преимущественно въ производствѣ предметовъ первой необходимости изъ мѣстнаго сырья. Кочевое населеніе, доставляющее въ Ташкентъ продукты своего производства, занимается обработкой шерсти (мѣшки, ткани, ковры и проч.), осѣдлое—производствомъ весьма разнообразныхъ предметовъ изъ глины, металловъ, дерева и т. п.

Бухарское и Хивинское ханства, находящіеся въ васальной зависимости отъ русскаго государства и вслѣдствіе этого съ каждымъ годомъ все больше подчиняющіеся русскому вліянію, представляютъ для насъ особенно значительный интересъ. Древнѣйшимъ и любопытнѣйшимъ по состоянію культуры, по историческимъ и художественнымъ памятникамъ и, наконецъ, по составу населенія безспорно является Бухарское ханство.

Основателемъ Бухары считается великій туранскій воинъ Афросіабъ. вмѣсто исторіи о первыхъ временахъ, въ ханствѣ разсказываются самыя разнообразныя басни, изъ которыхъ можно видѣть только то, что на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ нашествіе турецкихъ ордъ было всегда ужасомъ для страны. Со времени арабскаго завоеванія края свѣдѣнія о Бухарѣ являются болѣе опредѣленными и собственно исторія Бухары начинается съ Шейбанидовъ (1510—1597 г.) и наслѣдовавшихъ имъ Аштарханидовъ (1597—1737 г.). Аштарханидовъ смѣнила династія Мангытъ, члены которой и по настоящее время правятъ Бухарой.

Главный городъ ханства, собственно Бухара, дѣлится на двѣ главныя части: на внѣшній городъ (Бируни-Шехръ) и внутренній—(Деруни-Шехръ). Весь городъ обнесенъ глинобитной стѣной, устройство которой относится къ отдаленной эпохѣ арабскаго халифа Мегди (830 г.) и было вызвано частыми набѣгами сосѣднихъ тюркскихъ народовъ. Эта стѣна разрушенная въ 1220 г. Чингизъ-Ханомъ, при пріемникахъ его была восстановлена и теперь существуетъ приблизительно въ такомъ же видѣ. Бухара являетъ типичный образчикъ восточнаго города: въ ней 360 улицъ и переулковъ, кривыхъ и узкихъ и столько же въ общей сложности мечетей. „Опора Ислама“ и его „Римъ“— Бухара переноситъ насъ въ міръ чуждый европейскому глазу, въ область экзотической жизни, стремленій и чувственности. Бухара представляетъ не малый интересъ, какъ и большинство крупныхъ восточныхъ городовъ, чисто внѣшнимъ видомъ; позднѣйшая архитектура (XVI и XVII в.) нашла себѣ огромное примѣненіе въ общественныхъ сооруженіяхъ: мечетяхъ, медресе и дворцахъ. По словамъ жителей Бухары, число ихъ мечетей большихъ и малыхъ доходитъ до 360. Это количество безспорно сильно преувеличено. Самой интересной мечетью Бухары въ смыслѣ археологическомъ является полутемное подземное строеніе Месжиди Моганъ, гдѣ нѣкогда тайкомъ собирались первые мосульмане. Въ смыслѣ архитектуры и художественной цѣнности мечеть эта едва-ли представляетъ особый интересъ. Простая и строгая она переноситъ насъ ко временамъ безпощадныхъ гоненій на исламъ, къ тому періоду, когда нельзя было говорить о роскоши и красотѣ и надо было думать о „преданіи себя

Старая Бухара. Порталь мечети «Каланъ».

Старая Бухара. Мечеть «Меджидие-Каланъ».

Богу". По времени эта мечеть может быть датирована эпохой Тимура (XIV в.). Слѣдующей по времени может считаться не включая восьмиугольная мечеть Месжиди-Диванъ-Беги, построенная въ 1629 г. Огромный барабанъ купола мечети говорить о персидскихъ зодчихъ, какъ большихъ математикахъ и знатокахъ строительныхъ формъ и конструкцій. Передъ мечетью дервиши и „медда“ (разсказчики) въ стихахъ и прозѣ повѣствуютъ о геройскихъ подвигахъ знаменитыхъ воителей и пророковъ Ислама. Въ этихъ поэтическихъ экскурсахъ менѣе всего слѣдуетъ искать исторической правды. Отдѣльныя цитаты корана, чередуются съ фантастическими подвигами знаменитаго аскета и бузарскаго святого Беха-эд-дина, умершаго въ 1388 г. Основатель религіознаго ордена Накшибенди, Бѣха-эд-динъ похороненъ вблизи Бухары въ мечети, построенной приказаніемъ Абдуль-Азизъ Ханавъ 1490 г. Могила святого расположена въ маленькомъ тѣнистомъ саду, причемъ гробница непосредственно примыкаетъ къ мечети. На лицевой сторонѣ гробницы лежитъ пресловутый „Сенги-Мурадъ“ (камень желаній), довольно потертый лбами набожныхъ пилигриммовъ. На самомъ гробѣ лежатъ нѣсколько бараньихъ роговъ, знамя и метла, долгое время служившая для выметанія святилища въ Меккѣ.

Недалеко отъ дворца бухарскаго Эмира, почти что въ центрѣ города, находится знаменитая Месжиди-Келянъ, самая большая мечеть Бухары. Созданію ея мы должны быть благодарны Шеибенидамъ. Величина Месжиди-Келянъ или Гокъ-Гумбезъ дѣйствительно останавливаютъ на себѣ вниманіе всякаго. Ея минаретъ изъ желтаго кирпича до сихъ поръ еще носить тяжелое названіе „башня преступниковъ“. Отсюда съ момента постройки минарета до 1871 года сбрасывали на вымощенную камнемъ площадь осужденныхъ на смерть преступниковъ. „Башня преступниковъ“ является однимъ изъ интереснѣйшихъ памятниковъ восточнаго строительства во второмъ главномъ городѣ Закасія. Минаретъ Кальянъ или Миръ-Арабъ по своей декораціи напоминаетъ памятники чисто-персидскаго зодчества. Высота его 60 метровъ. Правильными концентрическими кругами идутъ полосы обливныхъ исламскихъ изразцовъ, оставляя сравнительно небольшія пространства подъ рельефныя надписи, исполненныя арабскими почерками „Зюльфи“ и „Сюлюсъ“. Присматриваясь ближе къ самому верху башни, можно предположить сравнительно позднѣйшее его происхожденіе, такъ какъ стиль самого минарета совершенно не гармонируетъ съ его верхомъ. Мощные, каменные сталактиты поддерживаютъ рядъ колоннъ, въ которыхъ можно усмотрѣть примѣсъ совершенно посторонняго Исламу вліянія.

Если Самарканду досталось въ удѣль первенство въ области мечетнаго исламскаго строительства, то Бухара приняла на себя не менѣ почетную роль разсадника и центра средне-азиатской учености. Ходячее мнѣніе бухарцевъ выраженное словами: „куда ни кинешь взглядомъ, всюду замѣтишь студента“, имѣетъ подъ собою еще и до сихъ поръ большое основаніе. Бѣлые головные уборы, бухарскихъ „телебе“ можно встрѣтить на базарахъ, въ чай-хане и въ студенческихъ кельяхъ, массами устроенныхъ при бухарскихъ медресе.

Медресе Бухары главнымъ образомъ изучаютъ исламскую теологію. Одной изъ неотъемлемыхъ особенностей всѣхъ мусульманъ вообще является склонность къ филофіи и софистикѣ. Эта склонность съ дѣтства прививается имъ все тѣми же всеобъемлющими медресе. Нѣтъ никакой возможности перечислить здѣсь всѣхъ медресе Бухары. Число ихъ по официальнымъ даннымъ находить до 130, а количество обугающихся въ нихъ студентовъ равно 10 тыс. чел. Самымъ старымъ изъ бухарскихъ училищъ считается медресе „Кекель-Ташъ“, основанное въ 1426 году. Въ немъ сосредоточены 150 студенческихъ келій; каждый студентъ получаетъ тамъ приличное жалованье, ведетъ безбѣдное существованіе, но зато вступленіе въ это медресе обязываетъ желающаго внести довольно крупную сумму. Медресе „Миръ-Арабъ“ при мечети того же названія основано столѣтіемъ позже. Условія поступленія сюда несравненно болѣе легкія, нежели въ предыдущее училище, но количество студентовъ здѣсь не превышаетъ нѣсколькихъ десятковъ. Медресе „Друбаиръ“ или „Иръ-Назаръ“ можетъ заинтересовать насъ въ томъ отношеніи, что въ его устройствѣ дѣятельное участіе принимала сама Императрица Екатерина II, пытавшаяся уже въ то время усилить власть русскихъ въ исламскомъ востокѣ.

Помимо интереса чисто внѣшняго, возбуждаемаго городскими постройками и связанными съ ними историческими воспоминаніями, Бухара останавливаетъ вниманіе путешественниковъ внутрешней жизнью города—его базарами, площадями, и, наконецъ, его населеніемъ, очень любопытнымъ въ этнографическомъ мыслѣ.

Населеніе ханства распадается главнымъ образомъ на двѣ группы Тюркскую и Иранскую. По національностямъ оно раздѣляется на узбековъ, таджиковъ, киргизовъ, арабовъ, мербовъ, индусовъ, персіанъ и евреевъ. Изъ тюркскихъ народностей первое мѣсто по численности и господствующему положенію

принадлежить узбекамъ, частью осѣдлымъ, частью полукочевымъ, живущимъ, главнымъ образомъ въ западной части Бухары и занимающимся земледѣліемъ и скотоводствомъ. Узбекамъ принадлежитъ главная роль въ дѣлѣ управленія страной, такъ какъ и самъ Эмиръ узбекъ изъ племени мангытъ; они же составляютъ военную силу страны, хотя высшіе офицеры выбираются не изъ ихъ рядовъ. Узбеки фанатично-религіозны, спокойнаго характера, мало воспримчивы къ культурѣ и съ презрѣніемъ относятся къ иранскимъ народамъ; они дѣлятся на роды, (мангытъ, кунградъ, кипчакъ и др.) живущіе въ различныхъ частяхъ ханства, и родовое начало до сихъ поръ играетъ въ укладѣ ихъ жизни довольно замѣтную роль. Къ тюркскимъ же народностямъ принадлежатъ также туркмены, живущіе по берегамъ Аму Дарьи и Пянджа и киргизы, населяющіе нѣкоторые районы восточной Бухары и сѣверную степную ея окраину. Туркмены живутъ осѣдло, занимаясь главнымъ образомъ земледѣліемъ и производствомъ ковровыхъ издѣлій, киргизы же ведутъ почти исключительно кочевой образъ жизни и занимаются скотоводствомъ.

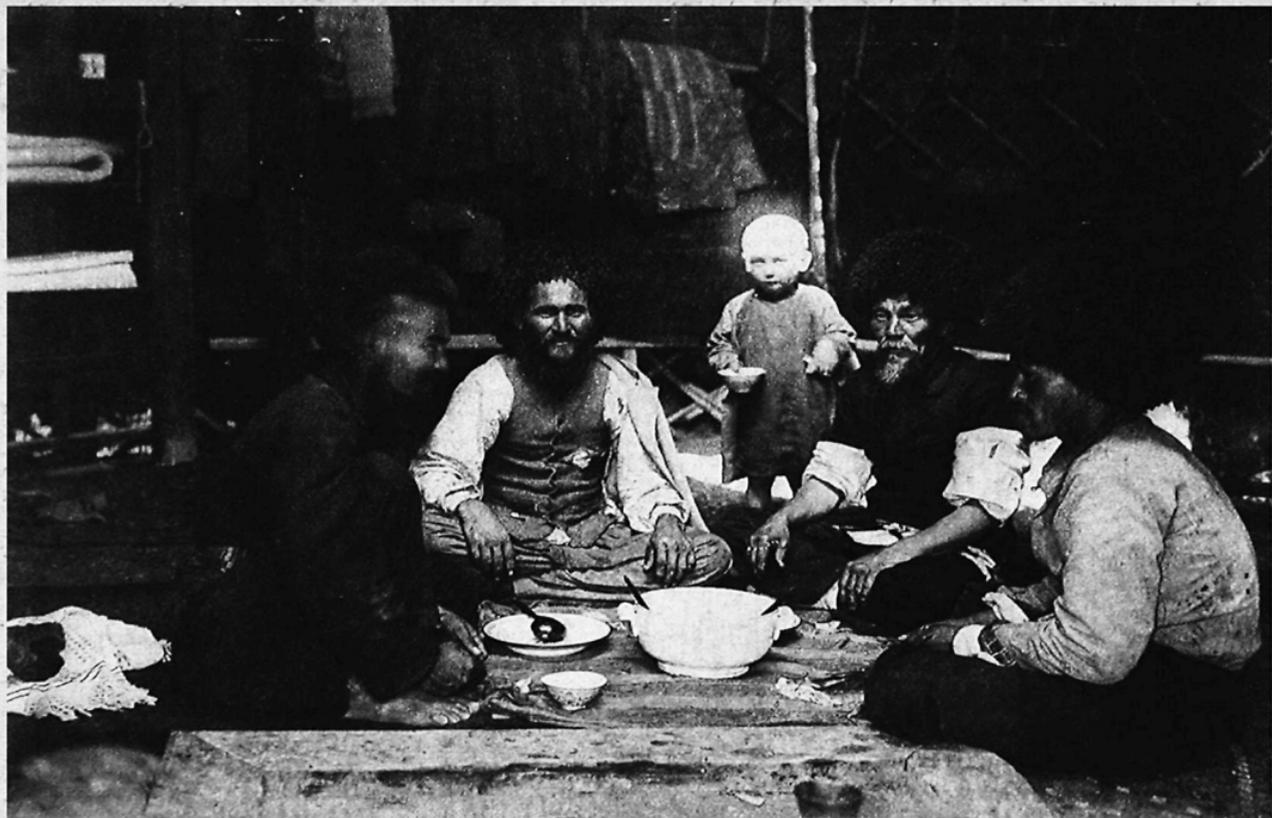
Слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ народѣ, значительнѣйшемъ въ Средней Азіи и замѣчательнѣйшемъ по первобытности кочевой своей жизни и характеру.

Трудно опредѣлить границы ихъ поселеній; они обитаютъ въ великой степи, растилающейся между Сибирью и Хивой, Туркестаномъ и Каспійскимъ моремъ. Всѣ перевороты въ теченіи столѣтій, которые иногда стирали съ лица земли цѣлые народы или совершенно видоизмѣняли ихъ общественную жизнь, имѣли очень незначительное вліяніе на киргизъ, представляющихъ и теперь самое вѣрное отраженіе нравовъ и обычаевъ первобытныхъ туранскихъ народовъ, гдѣ особенно замѣтно удивительное смѣшеніе добродѣтели и звѣрства. У киргизъ сильно развито влеченіе къ музыкѣ и поэзіи и не послѣднее мѣсто въ характерѣ народа занимаетъ аристократическая горделивость; киргизъ хорошо знаетъ свою родословную и очень гордится количествомъ предковъ, которыхъ онъ можетъ упомянуть при случайномъ разговорѣ. Въ храбрости киргизъ далеко уступаетъ узбекамъ и въ особенностяхъ туркменамъ. Хищническое нападеніе въ открытомъ полѣ—не въ его характерѣ. Для насъ европейцовъ, даже при частыхъ съ ними сношеніяхъ, киргизы представляютъ весьма странное явленіе. Мы видимъ людей, которые несмотря на палящій жаръ или снѣгъ въ сажень глубины, ежедневно въ теченіи нѣсколькихъ часовъ кочуютъ со всѣмъ своимъ домомъ и имуществомъ для того только, чтобы остановиться гдѣ нибудь и не болѣе, какъ опять-таки на нѣ-

сколько часовъ,—людей, только въ послѣднее время узнавшихъ о существованіи хлѣба и питающихся главнымъ образомъ молокомъ и мясомъ. Кочевая жизнь, это безпрестанная смѣна мѣстъ поселенія такъ глубоко вошла въ психику киргизъ, что они смотрятъ на городскихъ и другихъ осѣдлыхъ жителей чуть ли не какъ на сумасшедшихъ и жалѣютъ всякаго, чье лицо не имѣетъ хоть какой-нибудь черты монгольскаго типа. По ихъ эстетическимъ понятіямъ монгольское племя представляетъ собою верхъ красоты, потому что Богъ, сотворилъ ихъ съ выдающимися скулами, уподобилъ лошади,—лошадь же въ глазахъ киргизъ вѣнецъ созданія.

Въ группѣ иранскихъ народностей первое мѣсто занимаютъ таджики, потомки коренного древняго населенія страны, населяющіе первоначально почти все города Средней Азіи; главными занятіями ихъ являются земледѣліе, садоводство и отчасти скотоводство. Кромѣ того въ ханствѣ, въ небольшомъ количествѣ живутъ: арабы, цыгане, афганцы, индусы и евреи. Арабы представляютъ потомковъ тѣхъ воиновъ, которые подъ предводительствомъ Кутенбе принимали участіе въ завоеваніи Туркестана; въ настоящее время они въ значительной мѣрѣ смѣшались съ узбеками. Хазары и афганцы недавно переселились изъ Афганистана, и живутъ близъ его границъ. Индусы встрѣчаются исключительно въ городахъ, гдѣ занимаются торговлей, размѣномъ денегъ и ростовщичествомъ. Они отличаются отъ туземцевъ какъ Бухарѣ, такъ и въ русскомъ Туркестанѣ своимъ костюмомъ и особымъ знакомъ, вродѣ языка племени, вытравленномъ на лбу. Въ дѣлѣ ростовщичества въ послѣднее время ихъ опасными конкурентами становятся евреи, въ руки которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ переходитъ и вся крупная торговля. Почти все населеніе Бухары исповѣдуетъ исламъ, при чемъ тюркскія народности являются суннитами, а иранцы частью суннитами и шиитами частью же послѣдователями нѣкоторыхъ сектъ. Большая часть населенія ханства живетъ осѣдло, занимаясь земледѣліемъ и садоводствомъ; меньшая ведетъ полукочевой и кочевой образъ жизни, засѣвая небольшое количество земли вблизи своихъ пастбищъ или занимаясь скотоводствомъ.

Размѣщеніе жителей на территоріи ханства является крайне неравномѣрнымъ. Орошенные оазисы населены очень плотно, безводные же степи почти пустыни и безлюдны. Основой благосостоянія населенія края служитъ земледѣліе на орошенныхъ земляхъ, первобытное скотоводство и кустарная промышленность.

Островъ Челекенъ. Домашній бытъ туркменъ.

Островъ Челекенъ. Выработка туркменскихъ ковровъ. Внутренность кибитки.

Промышленность въ Бухарскомъ ханствѣ имѣеть кустарно-ремесленный характеръ; издѣлія изготовляются руками на приспособленіяхъ самаго первобытнаго устройства. Изъ болѣе или менѣе крупныхъ промышленныхъ заведеній, оборудованныхъ усовершенствованными машинами слѣдуетъ отмѣтить хлопкоочистительные заводы, расположенные главнымъ образомъ въ крупныхъ центрахъ по линіи ж. д. Существенное значеніе въ ханствѣ имѣють такъ же нѣкоторыя отрасли кустарной промышленности, получившія вслѣдствіе многовѣковой замкнутости народа широкое развитіе вполне приспособленныхъ къ быту туземца. Тѣсная связь между хозяйственнымъ укладомъ и характеромъ кустарной промышленности въ особенности замѣтна у скотоводовъ-кочевниковъ. Переносное жилище кочевника, войлоки, ковры и паласы, разстилаемые на землѣ и замѣняющіе мебель, большая часть одежды, мѣшки, въ которыхъ укладывается имущество его при кочевкахъ, шапки, веревки и т. д.— все это дѣлается изъ шерсти и кожъ доставляемыхъ его же стадами. Кочевники производять эти издѣлія не только для своего обихода, но и снабжаютъ ими осѣдлыхъ жителей, занимающихся производствомъ лишь немногихъ издѣлій изъ шерсти. Изъ предметовъ кустарной обработки шерсти, одно изъ первыхъ мѣсть занимають кошмы, паласы и ковры.

Ковры, лучшіе сорта которыхъ выдѣлываются туркменами закаспійской области, отличаются разнообразіемъ рисунка, гармоніей красокъ и вообще превосходными качествами. Выдѣлкой ковровъ занимаются большей частью женщины и приходится удивляться тому, какъ хорошо эти простыя обитательницы степей владѣють симметрией въ расположеніи фигуръ; онѣ выказываютъ больше вкуса, чѣмъ большинство европейскихъ фабрикантовъ. За однимъ ковромъ работаютъ нѣсколько дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ подъ руководствомъ какой-нибудь старухи, которая сначала дѣлаетъ точками на пескѣ узоръ и, соображаясь съ нимъ, опредѣляетъ сколько нужно какихъ нитокъ, чтобы вышелъ желаемый рисунокъ. Къ сожалѣнію значительный спросъ на эти издѣлія, вывозимыя даже въ Америку, способствовалъ пониженію ихъ качества; теперь хорошіе, старинныхъ узоровъ туркменскіе ковры, окрашенные растительными красками встрѣчаются очень рѣдко и цѣнятся очень дорого. Болѣе разнообразные кустарные промыслы осѣдлаго населенія кромѣ чисто практическаго значенія представляютъ еще и глубокой художественный интересъ.

Культура запада захватывающая съ каждымъ годомъ все шире и шире области Средней Азіи, совсѣмъ не проникла во внутреннюю жизнь населенія Бухарскаго ханства и не отразилась на характерѣ ихъ общественнаго уклада. Здѣсь востокъ сохранилъ еще всѣ черты дикости и поэзии, добродѣтели и звѣрства, роскоши и разврата. Торговля и промышленность, вотъ единственныя области, куда проникаетъ вліяніе Европы. Туземецъ въ кругу семьи, въ школѣ, на выборахъ кази, въ отношеніяхъ къ хану, въ чай-хане, на восточномъ базарѣ остается такимъ же, какимъ онъ былъ 200—300 лѣтъ тому назадъ.

Въ основѣ Бухарскаго права, регулирующаго взаимоотношенія обывателей, лежитъ шаріатъ, правила котораго изложены въ книгѣ Мухтассар-уль-Викая, изучаемой во всѣхъ медресе ханства. На ряду съ шаріатомъ въ Бухарѣ дѣйствуетъ еще адатъ или обычное право и часто при одновременномъ употребленіи въ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ этихъ различныхъ правовыхъ нормъ получаютъ любопытные результаты: по однохарактернымъ дѣламъ выносятся различные приговоры, что даетъ, конечно, широкій просторъ административному произволу. Плохое знакомство мѣстныхъ кази (судей) съ тонкостями шаріата привело къ возникновенію особой системы — консультации съ законовѣдами: кази, муфтіями и раисами, проживающими въ крупныхъ центрахъ. Эти послѣдніе выдаютъ за своей печатью особый документъ — ривоятъ, заключающій подходящія къ дѣлу ссылки на коранъ и шаріатъ. Ривоятъ имѣетъ силу обязательную для кази при рѣшеніи имъ спорныхъ дѣлъ; въ случаѣ же представленія ривоята обѣими тяжущимися сторонами, предпочтеніе отдается тому, который составленъ болѣе авторитетнымъ лицомъ. Помимо кази т. е. судей-нотаріусовъ, такъ какъ въ ихъ рукахъ находятся и земельныя сдѣлки, власть въ Бухарѣ предоставлена еще раисамъ, вѣдающимъ религіозной стороной жизни поданныхъ, и чинамъ мѣстной администраціи: бекамъ, амлякдарамъ и аксакаламъ. Эмиръ является представителемъ высшей судебной власти, причемъ жизнь всѣхъ поданныхъ находится всецѣло въ его рукахъ. Ему принадлежитъ право назначать и удалять административныхъ лицъ, имъ утверждаются или диктуются смертные приговоры и онъ же представляетъ въ своемъ лицѣ весь государственный контроль. Необыкновенная доступность особы эмира хотя до нѣкоторой степени уменьшаетъ тотъ произволъ и систему усмотрѣнія, которыми такъ широко пользуются бухарскіе чиновники. Не получая жалованья, а довольствуясь большею частью удержаніемъ въ свою пользу денежныхъ штрафовъ, бухарскіе чиновники являются истиннымъ бичемъ населенія и только взаимные ин-

триги и система доносовъ ставятъ иногда предѣлъ ихъ дѣятельности. Абсолютная власть эмира позволяетъ ему по первому подозрѣнiю или доносу отрѣзать провинившагося бека отъ должности, подвергая конфискаціи все его имущество. Смѣна бека ведетъ за собою смѣну всѣхъ амлядаровъ бекства. Это ведетъ къ тому, что, чуждые населенiю и неувѣренные въ прочности своего положенiя, чины администраціи думаютъ только о своемъ обогащенiи. Рядовой обыватель недовольный рѣшенiемъ мѣстныхъ судей можетъ апеллировать въ высшіе инстанціи и дойти даже до самого эмира, но всѣ эти хлопоты настолько сопряжены съ потерей времени и денегъ и рискомъ ухудшить свое положенiе, что рѣдкій рѣшается за нихъ взяться. Царство призвола еще долго будетъ въ Бухарѣ основнымъ мотивомъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства.

Базары въ Бухарѣ далеко не такъ великолѣпны и роскошны, какъ въ городахъ Персіи или Индіи; но странное, разнообразное смѣшеніе расъ, одеждъ и обычаевъ, горы наваленныхъ товаровъ, удовлетворяющихъ потребностямъ и вкусамъ туземцевъ—представляютъ поразительное зрѣлище для иностранцевъ.

Въ движущейся массѣ преобладаетъ иранскій типъ съ головами украшенными синими или бѣлыми тюрбанами; послѣдніе свидѣтельствуютъ о принадлежности къ привилегированному сословию. Другими преобладающими народностями на базарахъ Средней Азіи являются узбеки и киргизы. Кромѣ нихъ особенно замѣтны: евреи съ благородными, прекрасными чертаніями и великолѣпными глазами; туркмены, отличающіеся отъ всѣхъ смѣлостью и блескомъ взгляда, думающіе, можетъ быть, какой богатой жатвой могла бы послужить эта пестрота для какого-нибудь изъ ихъ аломановъ. Вообще же этотъ разнообразный хаосъ бухарцевъ, хивинцевъ, кокандцевъ, киргизъ, кичаковъ, туркменъ, евреевъ, авганцевъ является необходимой принадлежностью восточныхъ базаровъ и ихъ своеобразнымъ украшеніемъ.

Самое интересное мѣсто на бухарскомъ базарѣ то, гдѣ выставлены произведенія туземной промышленности: бумажная матерія „Иладжа“ съ широкими двухцвѣтными полосами; различные сорта шелковъ, тонкіе, какъ паутина платки и особенно ковры. Ковры играютъ огромную роль и въ теченіи цѣлыхъ столѣтій являются главной отраслью торговли и, пожалуй, единственнымъ предметомъ вывоза. Кромѣ того обращаютъ на себя вниманіе базары и лавки, гдѣ собраны различныя одежды

для соблазна покупателей—по большей части блестящихъ, яркихъ красокъ. Жители Востока, только здѣсь сохраняющіе свою первобытную чистоту и своеобразность, ужасно любятъ шумящія, шелестящія одежды. Торговцы, примѣривая продаваемое платье, прохаживаются въ немъ взадъ и впередъ, чтобы убѣдить покупателя въ томъ, что оно издаетъ „правовѣрный“ звукъ.

На этихъ именно базарахъ еще большинство принадлежностей туалета отечественной мануфактуры и потому очень дешевы; именно здѣсь снабжаются фешенебельными нарядами всѣ „вѣрующіе“ изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ ханства. Киргизы, кипчаки и калмыки пріѣзжаютъ сюда цѣлыми семьями, оставляя здѣсь продукты своей промышленности—скотоводства и приобретаая взаменъ принадлежности домашняго обихода; и дикіе татары съ косыми гзазами и выдающимися скулами хочотать отъ радости, перемѣняя свое платье изъ лошадиныхъ шкуръ на легкое „октей“ (лѣтняя одежда).

Пройдя чайный базаръ, вы попадаете къ знаменитому Леби-Гаузь-Диванбеги. Это самое прелестное мѣсто въ Бухарѣ. Огромный, довольно правильный квадратъ, среди котораго находится глубокой прудъ, выложенный четырехугольными камнями, отражаетъ цѣлый рядъ красивыхъ огромныхъ тополей. Подъ ними разбросаны чай-ханэ съ колоссальными самоварами и подъ ними же еженедѣльно дервиши, изъ ордена накишбенди, полные дикаго воодушевленія, въ высокихъ конусообразныхъ шапкахъ, съ развѣвающимися волосами, съ длинными посохами, какъ бѣснующіеся прыгаютъ кругомъ, завывая хоромъ гимнъ, отдѣльныя строфы котораго напѣваетъ ихъ сѣдовласый начальникъ.

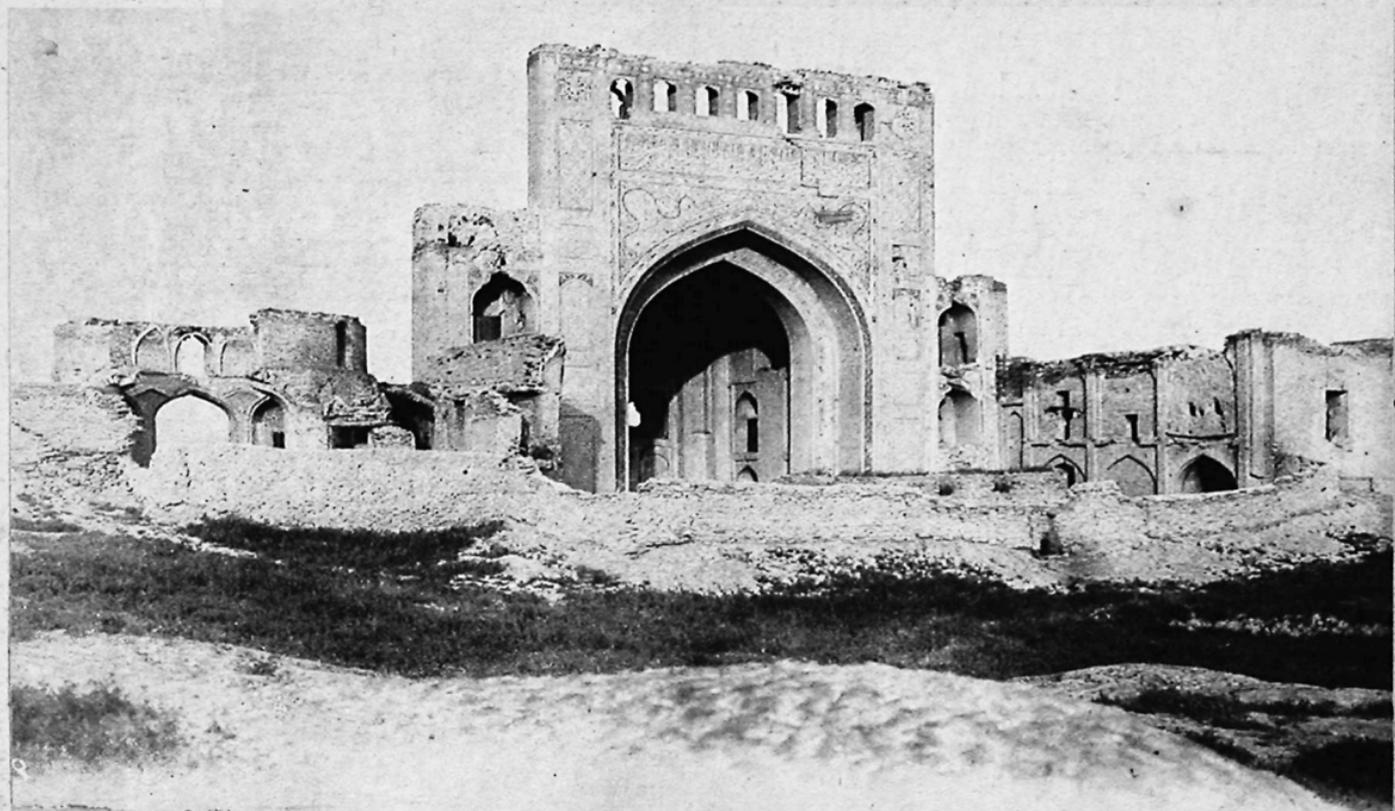
Главные изъ бухарскихъ базаровъ, по свидѣтельству А. Вамбери, насчитывающіе десятки и даже сотни лѣтъ, будутъ: базаръ Абдулла-Ханъ, построенный ханомъ по возвращеніи изъ Мешхеда по персидскому образцу; Рестей-Сусенгиранъ, гдѣ помѣщаются торговцы швейными принадлежностями; Рестей-Саррафанъ, гдѣ торгуютъ мѣнялы и книгопродавцы; Рестей-Зергеранъ для золотыхъ дѣлъ мастеровъ, Рестей-Чилингеранъ, слесарный; Рестей-Аттари—для москательныхъ торговцевъ; Каннади—гдѣ помѣщаются торговцы сахаромъ и сладстями; Чайфуруши—для чайной торговли; Читфуруши; Базари-Латта—для торговцевъ полотнами и Тимче-Дарайфуруши—для торговли пряностями.

Основаніе Хивинскаго ханства относится къ началу XVI в. и приписывается Узбекскому племени, подъ предводительствомъ двухъ братьевъ Ильбарса и Бальбарса завоевавшему столицу ханства — Ургенчъ. Этотъ городъ вслѣдствіе поворота русла Аму-Дарьи, лишился воды и жизнь послѣ этого стала постепенно переходить въ южную часть ханства, а столицею его въ XVII в. сдѣлалась Хива. Въ составъ ханства входили и города сѣверной части Хоросана — теперешній Закаспійской области. Исторія Хивинскаго ханства, съ его основанія до того момента, когда оно подпало подъ вассальную зависимость Русскаго государства, есть непрерывныя междуусобія среди представителей династїи, борьба между ханами и вліятельными родами, набѣги на Хоросанъ, войны съ туркменами и Бухарскими ханами. Успѣшныя войны узбековъ увеличивали количество населенія, но отнюдь не повышали производительность страны, вслѣдствіе чего степень культурности населенія съ каждымъ годомъ понижалась, а сама Хива сдѣлалась разбойничьимъ государствомъ. Непрерывныя политическія неурядицы мѣшали какой-нибудь династїи надолго утвердиться на престолѣ и только, въ началѣ XIX в. одинъ изъ Ипаковъ, Ильтегеръ, принявъ ханскій титулъ, основалъ династїю, которой удалось удержаться до настоящаго времени.

Столица Хивинскаго ханства и резиденція хана — Хива, расположена въ двадцати верстахъ отъ лѣваго берега Аму-Дарьи, на каналахъ, принадлежащихъ къ системѣ Полванъ-Ата. Издали Хива производитъ пожалуй лучшее впечатлѣніе, чѣмъ какой либо другой городъ Туркестана. Прежде всего окрестности города съ ихъ маленькими дворами, имѣющими видъ укрѣпленій, съ тѣнистыми высокими тополями, прекрасными лугами и полями, представляютъ восхитительное зрѣлище. Впечатлѣніе усиливается еще тѣмъ, что песчаная мервская пустыня оканчивается всего въ 15 верстахъ отъ города, такъ что находясь передъ городскими воротами можно видѣть песчаные холмы Тейеспити; здѣсь чувствуется рѣзкій контрастъ между жизнью и смертью.

При въѣздѣ же въ городъ иллюзія красоты пропадаетъ. Старая Хива, которой не коснулась еще европейская цивилизація, куда не успѣла проникнуть еще архитектура Запада— это нѣсколько тысячъ глиняныхъ мазанокъ, съ плоскими крышами, съ неровными и небѣленными стѣнами, разбросанныхъ въ величайшемъ беспорядкѣ. Узкія и кривыя улицы, раздѣляющія городъ на махалы или кварталы, неровные по величинѣ и формамъ, мѣстами прерываются пустырями или разрушенными кладбищами. По отсутствію какого-то ни было благоустройства, непроходимой грязи, вони, массѣ развалинъ, встрѣчающихся въ самомъ центрѣ города, Хива представляла бы безотрадную картину, если бы не платаны и тополя, гордо поднимающіеся къ небу и не мечети и медресе, дающіе намъ понятіе о шедеврахъ восточной архитектуры. Изъ мечетей особенно извѣстна мечеть Полванъ-Ата, мосульманскаго святого, покровителя Хивы, построенная въ 1811 году ханомъ Мохаммедомъ-Рахимомъ. По своеобразности своей архитектуры, по красотѣ и искусству, съ которымъ она внутри выложена изразцами: голубыми, синими и пестрыми, эта мечеть является главнымъ и пожалуй единственнымъ художественнымъ образцомъ Хивы. Остальныя мечети, число которыхъ доходитъ до 16 и медресе, которыхъ насчитываютъ 22, строились хивинцами съ цѣлью удовлетворенія чисто жизненныхъ потребностей населенія, вслѣдствіе чего зодчіе принимали во вниманіе принципы удобства, а не художественности.

Какъ и во всякомъ восточномъ городѣ вниманіе путешественника, посѣтившаго Хиву, останавливается прежде всего на базарахъ. Хивинскіе базары не отличаются особымъ оживленіемъ, но все-таки носятъ на себѣ характерный отпечатокъ востока: пестроту товаровъ, разнообразіе народностей и шумъ способный поразить непривычнаго наблюдателя. Главный изъ базаровъ — Тимъ состоитъ изъ 150 лавокъ, расположенныхъ подъ однимъ сводомъ; въ этихъ лавкахъ можно найти произведенія всей туземной промышленности. Вокругъ Тима находится еще нѣсколько построекъ имѣющихъ свои спеціальныя названія и приспособленныхъ такъ же для торговли. Товары, наваленные беспорядочными кучами, не заслуживаютъ особаго вниманія, тѣмъ болѣе, что западъ съ каждымъ годомъ отвоевываеъ все больше мѣста для своихъ фабрикатовъ. То время, когда населеніе Хивинскаго ханства удовлетворяло свои потребности внутренними средствами страны, миновало безвозвратно. Предпримчивость пришельцевъ изъ болѣе культурныхъ странъ, вернуло хивинцевъ къ ихъ первоначальнымъ занятіямъ: земледѣлію, скотоводству и садоводству.

Развалины вымершаго г. «Аннау». Мечеть построена въ 1495 г.

Населеніе Хивинскаго ханства, число котораго опредѣляется приблизительно въ 700 тысячъ, довольно разнообразно по своему этнографическому составу. Господствующей народностью являются узбеки, которые въ отличіе отъ своихъ Бухарскихъ соплеменниковъ, сохранили еще многое, частью изъ своихъ языческихъ, національныхъ обычаевъ, частью изъ религіозныхъ обычаевъ персовъ; особенно характерна ихъ склонность къ музыкѣ и восточной поэзіи, которую они любятъ страстно и полнѣе, чѣмъ другіе обитатели Средней Азіи.

Даже по характеру хивинскаго узбека слѣдуетъ предпочитать всѣмъ остальнымъ его сородичамъ: онъ честенъ и прямодушенъ, но онъ такъ же дикъ какъ окружающіе его кочевники и не владѣетъ умомъ, изощреннымъ восточной цивилизаціей. Помимо узбековъ въ ханствѣ живутъ туркмены, принадлежащіе къ двумъ родамъ—Юудамъ и Чоудорамъ, киргизы, кочующіе въ западномъ районѣ, кара-колпаки, селящіеся большею частью по берегамъ рѣкъ и такъ далѣе. Характеръ этихъ народностей не отличается никакими особенностями отъ таковыхъ же въ Бухарскомъ ханствѣ. Слѣдуетъ только отмѣтить, что основными чертами кара-колпаковъ служить красота ихъ женщинъ и удивительная тупость мужчинъ, доходящая до идиотизма и породившая массу восточныхъ анекдотовъ. Большинство населенія хивинскаго ханства исповѣдуетъ исламъ, суннитскаго толка; шиитовъ весьма немного, евреи же появляются періодически, привлекаемые коммерческими дѣлами. Главнымъ источникомъ народнаго благосостоянія является сельское хозяйство, а именно—земледѣліе которое въ виду особенностей климата возможно только при искусственномъ орошеніи. Техника земледѣлія находится въ примитивномъ состояніи, но, благодаря плодородію почвы и трудолюбію населенія, прилагающаго много труда и умѣнія къ обработкѣ почти огородной культуры своихъ мелкихъ земельныхъ участковъ, земледѣліе даетъ почти всегда удовлетворительные, а нерѣдко и очень хорошіе результаты. Изъ полевыхъ растений главное мѣсто занимаетъ хлопокъ, производство котораго не только удовлетворяетъ мѣстныя потребности, но и служить предметомъ вывоза за предѣлы ханства.

Кустарная промышленность развита въ Хивѣ слабѣе нежели напр. въ Бухарѣ или другихъ мѣстностяхъ Туркестана и сосредоточивается главнымъ образомъ на выдѣлкѣ предметовъ домашняго обихода, грубыхъ полшелковыхъ, бумажныхъ или шерстяныхъ издѣлій, металлическихъ предметовъ, глиняной и фаянсовой посуды и пр. Восточное искусство, находящееся, какъ извѣстно, долго подъ вліяніемъ Персіи и Китая, положило отпечатокъ и на произведенія Хивинской промышленности, но

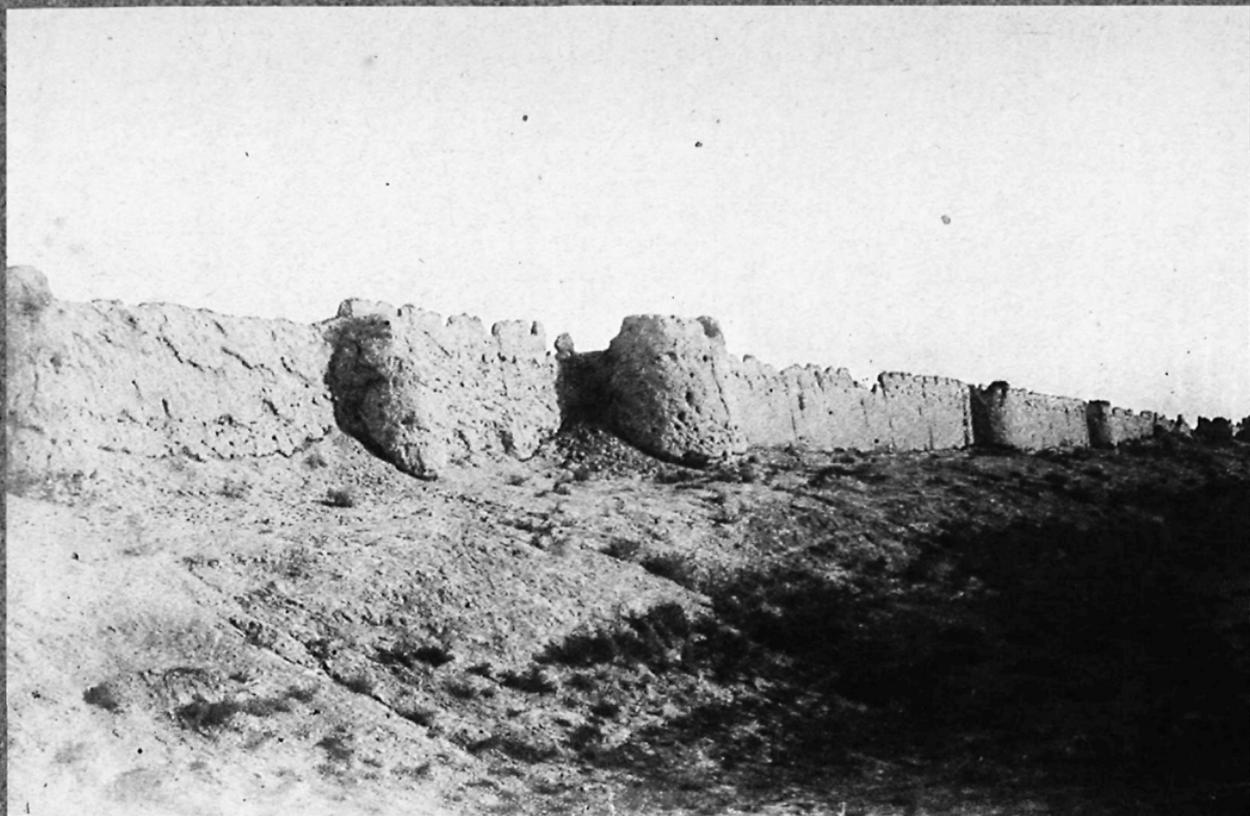
области затронуты имъ сравнительно не велики и не представляютъ большого интереса.

Управление хивинскимъ ханствомъ, расположеннымъ вдали отъ главныхъ путей Средней Азии, сохранило вполнѣ свой прежній обликъ. Возрожденіе жизни, замѣтное по всему Туркестану, почти не отразилось на ханствѣ, которое по своему строю и порядкамъ, осталось живымъ образомъ милувшихъ временъ и во многихъ отношеніяхъ даже мало изслѣдовано. Ханомъ Хивы состоитъ въ настоящее время Сеидъ-Мохаммедъ-Рахимъ, происходящій, какъ и его ближайшіе предки, изъ узбекскаго рода Кунградъ. Онъ является неограниченнымъ правителемъ всего ханства и распорядителемъ судебъ своихъ подданныхъ; только послѣ 25-го августа 1873 года, по трактату ханъ призналъ себя вассаломъ Россіи; онъ руководствуется указаніями агентовъ русскаго правительства да и то больше въ вопросахъ товарообмѣна.

Среди песчаной пустыни Туркестана, путешественника вдругъ поражаетъ видъ райскаго уголка, возрожденнаго рукою человѣка на развалинахъ Мерва. Мервъ—старый Мервъ, лежащій на Мургабѣ былъ когда-то богатой, густонаселенной столицей Хоросана, привлекалъ неоднократно взоры дикихъ завоевателей, вслѣдствіе чего часто переходилъ изъ рукъ въ руки.

Центръ земель, населенныхъ туркменами, Мервъ когда-то входилъ въ составъ новоперсидскаго царства, арабскаго халифата, въ IX в. былъ самостоятельной единицей съ туземной династіей во главѣ, въ слѣдующіе затѣмъ вѣка опять подвергся нашествію и завоеванію то узбековъ, сельджуковъ и въ концѣ XVII представлялъ изъ себя только грудку развалинъ, среди которыхъ одиноко стояли сохранившіеся нѣсколько памятниковъ восточной архитектуры. Особенной интересной въ этомъ отношеніи является гробница султана Санджара, сына великаго Меликъ-Шаха, закрѣпившаго могущество сельджуковъ надъ Трансоксианой, Хоросаномъ, Хорезмомъ и др.

По внѣшнему виду сама гробница представляетъ большую довольно мрачную мечеть, особенный интересъ которой для спеціалиста архитектора заключается въ примѣненіи восточнаго двухстѣннаго купола. Его барабанъ покоился на ажурныхъ аркахъ, съ рѣзко выступающими контрафорсами. Значительное давленіе арокъ аннулировалось минаретами по угламъ зданія. Самъ принципъ подобной архитектуры указываетъ на мосульманскихъ зодчихъ въ совершенствѣ знавшихъ тайны и технику строительнаго искусства. При болѣе детальномъ знакомствѣ съ персидской архитектурой на почвѣ Средней Азии становится понятнымъ доминирующее вліяніе изразцовъ и облицовокъ надъ

Развалины древняго Мерва. Остатки городской стѣны.

Самаркандъ. Гробница Тимерлана.

кирпичной кладкой. Массового изготовленія кирпича Средняя Азія никогда не знала. Вѣроятно этимъ же можно объяснить себѣ специальный узкій характеръ легкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ устойчивой персидской колонны.

Все, что есть въ Мервѣ, помимо гробницы Санджара, уже принадлежитъ новому времени, когда миновала пора набѣговъ, когда жизнь туземцевъ была втиснута въ рамки, созданныя сильнымъ побѣдителемъ.

Теперь Мервъ, красивый оазисъ, правда сохранившій нѣсколько восточный обликъ, но уже въ достаточной мѣрѣ измененный западной культурой. Вилла богатаго хлопководы, съ террасами и цвѣтниками, фонтаны разбросанные въ большомъ числѣ по городу, магазины съ зеркальными окнами, правда создаютъ рѣшительный контрастъ съ движущимися по улицамъ караванами верблюдовъ, съ массой тюбановъ и халатовъ, но уже никого не удивляютъ и даже въ туземцахъ не вызываютъ чувства вражды. Востокъ сливается съ западомъ и такое сліяніе рано или поздно должно окончиться гибелью красивѣйшей страны исторіи человѣчества.

Особенно характернымъ для народностей Востока будь то туземцы Ташкента, кочевники сыр-дарьинскихъ равнинъ или обитатели обоихъ ханствъ Азіи, является то обстоятельство, что въ кустарной промышленности, отъ выдѣлки женскихъ украшеній и предметовъ домашняго обихода до производства частей построекъ, отразилось свое, восточное искусство, имѣющее за собой цѣлыя вѣка существованія. Въ жизни народовъ Востока оно играетъ главнѣйшую роль; по самобытности и богатству представляетъ огромнѣйшій интересъ и поэтому заслуживаетъ къ себѣ особенно внимательнаго и вдумчиваго отношенія. Наибольше яркое отраженіе искусство получило при постройкахъ мечетей, медресе, мавзолеевъ и т. п.

Отдѣльныя области искусства какъ-то: инкрустациі по дереву, керамика, выдѣлка художественныхъ предметовъ изъ металла, ковровъ и восточныхъ тканей если и подчинялись влиянію, то главнымъ образомъ родственнымъ средне-азиатцамъ культуръ—китайской и персидской.

Искусство Средней Азіи обязательно нужно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: Персіи и Китая. Сунская и Юаньская династіи хронологически почти совпадаютъ со временемъ Чингиз-хана и знаменитаго Тимура. Отдѣльныя детали персидско-исламскаго и китайскаго искусства мирно уживаются вмѣстѣ.

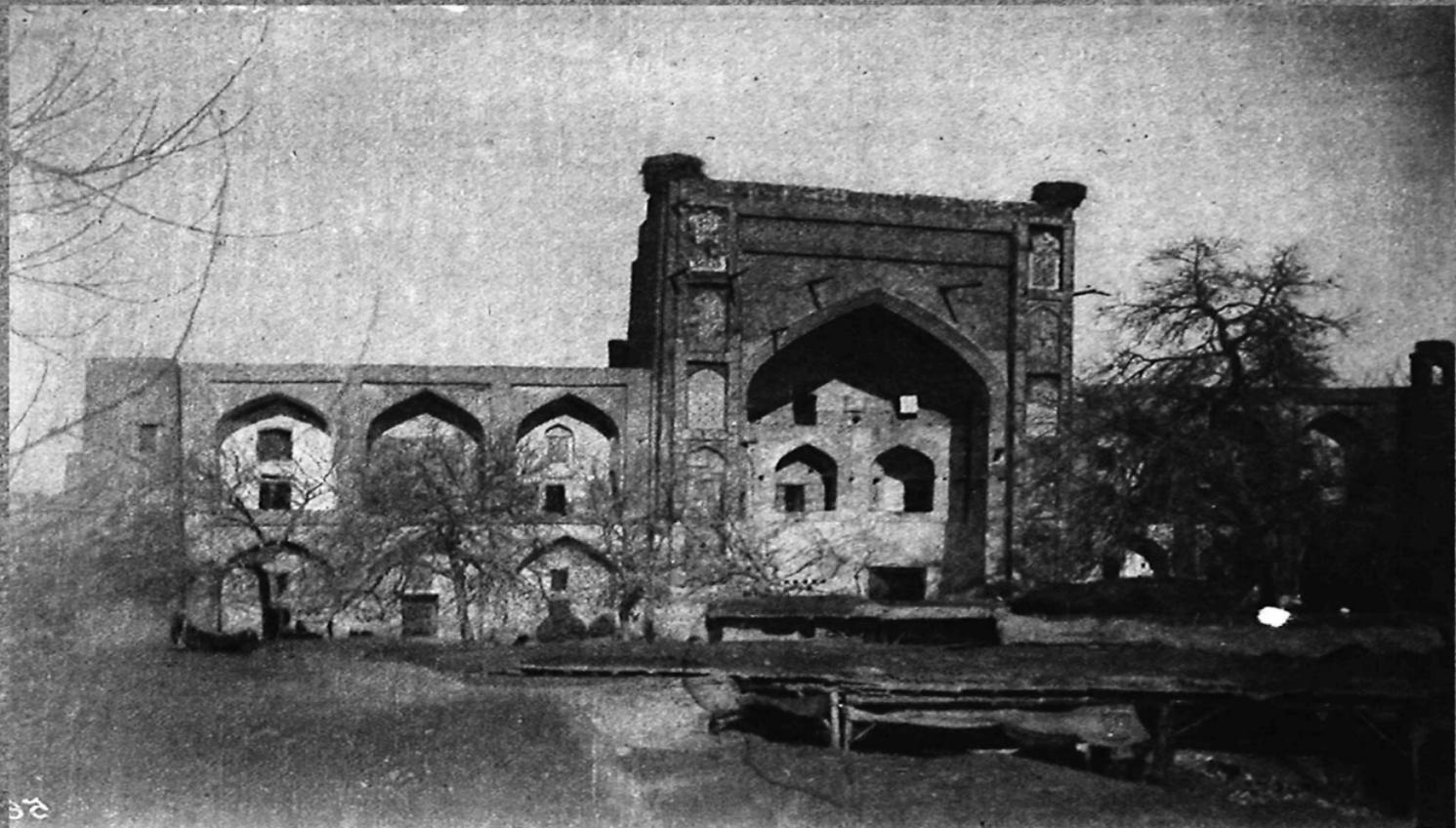
Надпись витиеватымъ арабскимъ почеркомъ чередуется съ изображеніями дракона, килина и сфинкса. Эта смѣсь китайскаго и персидскаго вліаній въ деревянныхъ работахъ Средней Азіи нагляднѣйшимъ образомъ можетъ быть изучена по образцамъ Ташкента, Самарканда и др.

Не только входныя двери и кафедры, но и вся внутренняя деревянная облицовка исламской архитектуры невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе далеко не однихъ спеціалистовъ. Если присмотрѣться ближе къ мосульманской колоннѣ, приходится вспомнить колонну древней Персіи. Правда, колонна Средней Азіи нѣсколько отлична и характеризуется легкой формой съ устойчивыми выступами. вмѣстѣ съ тѣмъ средне-азиатская колонна обнаруживаетъ несомнѣнное заимствованіе архитекторовъ-персіянъ отъ средне-азиатскихъ зодчихъ и указываетъ на тотъ „переходный“ стиль, который мѣтко названъ французами „стилемъ шатровъ“. Безпрерывное кочевье создало особый типъ колонны, одинаково удобной какъ при постройкѣ мечетей такъ и въ гражданской архитектурѣ.

Двери Туркестана давнымъ давно привлекали къ себѣ вниманіе ученыхъ. Простота рисунка и художественность его выполненія обнаруживаютъ въ исламскихъ рѣзчикахъ тонкихъ знатоковъ стиля орнамента и деталей. На первый взглядъ двери Туркестана показываютъ обширнѣйшее примѣненіе геометрическаго, въ частности меандраваго орнамента и ту мощь исламской стилизаціи, которая справедливо приводила въ восторгъ знатоковъ искусства. Строгость стиля, необходимая въ интересахъ согласованности съ религіей породила на первыхъ же порахъ безхитростное сплетеніе одиѣхъ только деревянныхъ конструкций. Тенденція къ роскоши, захватившая мало по малу всю Среднюю Азію, усложнила и рисунокъ и самую работу деревянныхъ издѣлій. Появляются первыя попытки деревянныхъ инкрустацій, попытки скромныя, далеко, съ нашей точки зрѣнія, нехудожественныя. Путь эволюціи деревянныхъ инкрустированныхъ издѣлій очень длиненъ. Если въ самомъ началѣ они выполняются небольшими бронзовыми гвоздиками и вставками, то въ дальнѣйшемъ золото и серебро занимаютъ въ нихъ далеко не послѣднее мѣсто. Не забудемъ, что бронза явилась издавна излюбленнымъ матеріаломъ всѣхъ народностей ислама. Въдъ каранъ запрещаетъ мосульманамъ въ своихъ подѣлкахъ употреблять золото и драгоценныя металлы. Комбинированныя инкрустаціи носятъ въ наукѣ названія „мосульскихъ“, отъ гор. Мосула на верхнемъ Тигрѣ; не надо впрочемъ забывать, что большинство этихъ издѣлій ничего общаго съ Мосуломъ не имѣли.

Развалины древняго Мерва. Могилы «Два брата».

32

Старая Бухара. Медрессе «Госпанъ».

Наряду съ металлами часто употреблялись для инкрустированія перламутръ и слоновая кость. Таковы, на примѣръ, инкрустаціи дворца кокандскаго хана.

Рѣзьба и гравировка безспорно были по душѣ трудолюбивымъ исламскимъ мастерамъ. Сосредоточить въ одно пестрый, играющій всѣми цвѣтами радуги рисунокъ и сталактитовую нишу можно было лишь при помощи мягкихъ переходовъ металлической инкрустаціи. Меандры, арабески и стилизованная восточная флора — вотъ тѣ мотивы, которые одушевляли безхитростныхъ туземныхъ мастеровъ, одинаково равнодушныхъ въ передачѣ какъ своихъ, такъ и пришлыхъ заимствованій.

Передача отдѣльныхъ элементовъ флоры явилась вторымъ мощнымъ этапомъ въ исторіи рѣзанныхъ деревянныхъ издѣлій Средней Азіи. Мечети дальше этого не пошли. Тенденція корана, запрещающая изображать все созданное по образу и подобию Божьему, опредѣлила, характеръ вообще всѣхъ мечетныхъ украшеній. Казалось бы, что послѣдователямъ традицій корана волей-неволей пришлось бы сначала замкнуться въ очень тѣсныя рамки, а затѣмъ и совершенно отмежеваться отъ области чистаго искусства. Къ счастью на помощь пришла необузданная фантастика восточныхъ народовъ, позволившая сразу, широкимъ размѣромъ двинуть искусство по пути дальнѣйшаго развитія. До насъ не дошло, къ сожалѣнію, ни одного образчика деревянной рѣзьбы эпохи тимуридовъ, но и по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи матеріаламъ болѣе позднихъ періодовъ мы въ состояніи наглядно себѣ представить всю обаятельную прелесть деревянной скульптуры минувшихъ временъ.

Арабески и безконечная нюансировка пальметокъ, мелочи растительнаго царства — вотъ канва, вотъ та благодарная нива, на которую упали сѣмена таланта фанатичныхъ исламскихъ рѣзчиковъ.

Въ мотивахъ гражданской архитектуры открывалась безспорно болѣшая свобода. Какъ опытные художники, исламскіе мастера отлично понимали, что одной утилизаціей флоры и слѣпымъ подчиненіемъ требованіямъ корана невозможно использовать всю полноту пониманія окружающей природы. И вотъ главнѣйшимъ факторомъ искусства выдвигается передача восточной фауны, правда далеко неполной въ исламской интерпретаціи. Если тигръ, левъ и нѣкоторыя птицы были знакомы скульпторамъ востока, то товарообмѣнъ между Персіей и Китаемъ помогъ ввести очень удачную стилизацію анта, дракона, феникса и др. мифическихъ, чисто китайскихъ животныхъ.

Этотъ ансамбль какъ нельзя лучше сдумѣлъ оттѣнить и восполнить тѣ пробѣлы которые, какъ мы увидимъ далѣе, должны

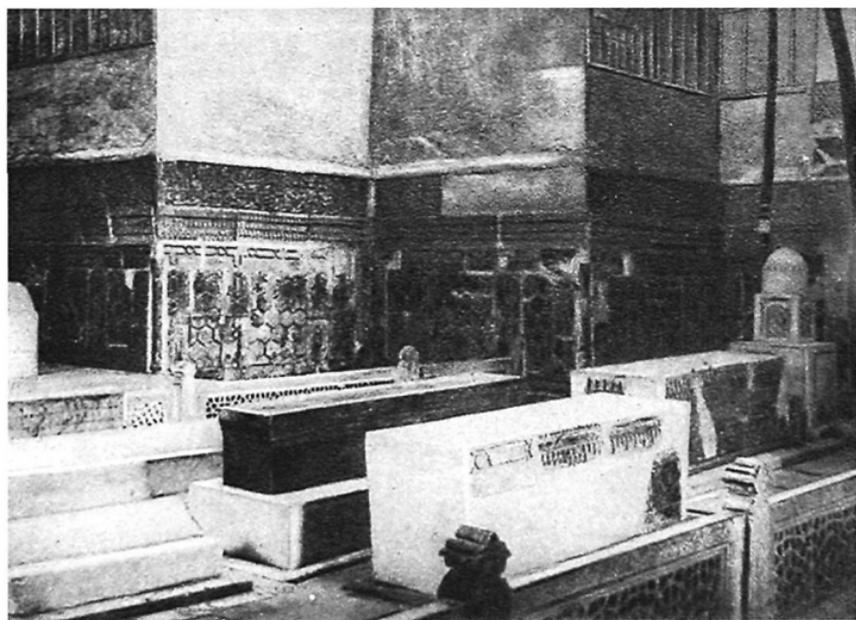
были неизбежно появиться въ процессѣ керамической облицовки. Счастливое сочетаніе простыхъ исламскихъ узоровъ съ незатѣйливой, порою грубой, рѣшеткой полуциркульной арки входа, сдѣлало изъ деревянной скульптуры одинъ изъ очень примѣчательныхъ мотивовъ восточнаго зодчества. Даже комбинаціи простыхъ гвоздей на продолговатыхъ жестяныхъ полоскахъ и тѣ имѣли своею прямою цѣлью служить украшеніемъ и помогать отдѣнять рисунокъ контраста отъ воплощеніи сознательной мысли. Въ такихъ случаяхъ немного выше самой двери исламскій архитекторъ устраивалъ небольшое окно, затянутое характернымъ испано-мавританскимъ рисункомъ. Создавая подобную декорацию зодчій имѣлъ ввиду одну главную цѣль: дать какъ можно больше свѣта внутреннему темному пространству. Однако онъ не былъ въ состояніи сразу отрѣшиться отъ вѣками навѣянныхъ традицій и, создавая свои шедевры, преслѣдовалъ не только задачи удобства, но и красоты.

Восточная миниатюра сохранила намъ красоту уничтоженныхъ безпощаднымъ временемъ исламскихъ деревянныхъ издѣлій. Просматривая миниатюры, мы видимъ, что ихъ содержаніе составляютъ гаремный бытъ, восточная извѣженность на фонѣ цвѣтниковъ и безконечной роскоши.

Деревянная скульптура Средней Азіи развивалась только что указаннымъ путемъ. Не только элементы Китая и Персіи, но даже далекой Турціи нашли себѣ живой откликъ въ рѣзныхъ по дереву издѣліяхъ городовъ Туркестана. Однимъ изъ характерѣйшихъ примѣровъ можетъ служить дворецъ кокандскихъ хановъ (Урда) въ Кокандѣ. Анонимный зодчій въ пламенной восточной фантастикѣ сумѣлъ сочетать фаянсовую и деревянную облицовку въ одну цѣлое и своимъ безмолвнымъ твореніемъ вписалъ блестящую страницу въ исторію всемірной архитектуры. Высокая лѣстница ведетъ на широкую террасу, выгодно отдѣненную комбинаціями дерева, фарфора и фаянса. Стройные, прямолинейные, чисто-турецкіе минареты смѣло глядятъ ввысь; имъ нѣтъ дѣла до суетности и пестроты жизни. Молча вспоминаютъ они былую кровавую смѣну династій, давно отжившее время и можно быть увѣреннымъ, что они никогда не выдадутъ многихъ интересныхъ подробностей исламскаго востока. Широкій фризъ во всю длину дворца выполненъ фаянсовой облицовкой. Огромныя надписи почеркомъ „сюлюсъ“ переносятъ насъ въ ту отдаленную эпоху, когда скромность и гостепріимство, любовь и восточная ненависть заглушались фанатизмомъ религіи. Фасадъ дворца не блещетъ, правда, нагроможденіемъ деревянныхъ деталей: два-три чисто восточныхъ окна, нѣсколько поразительныхъ по легкости две-

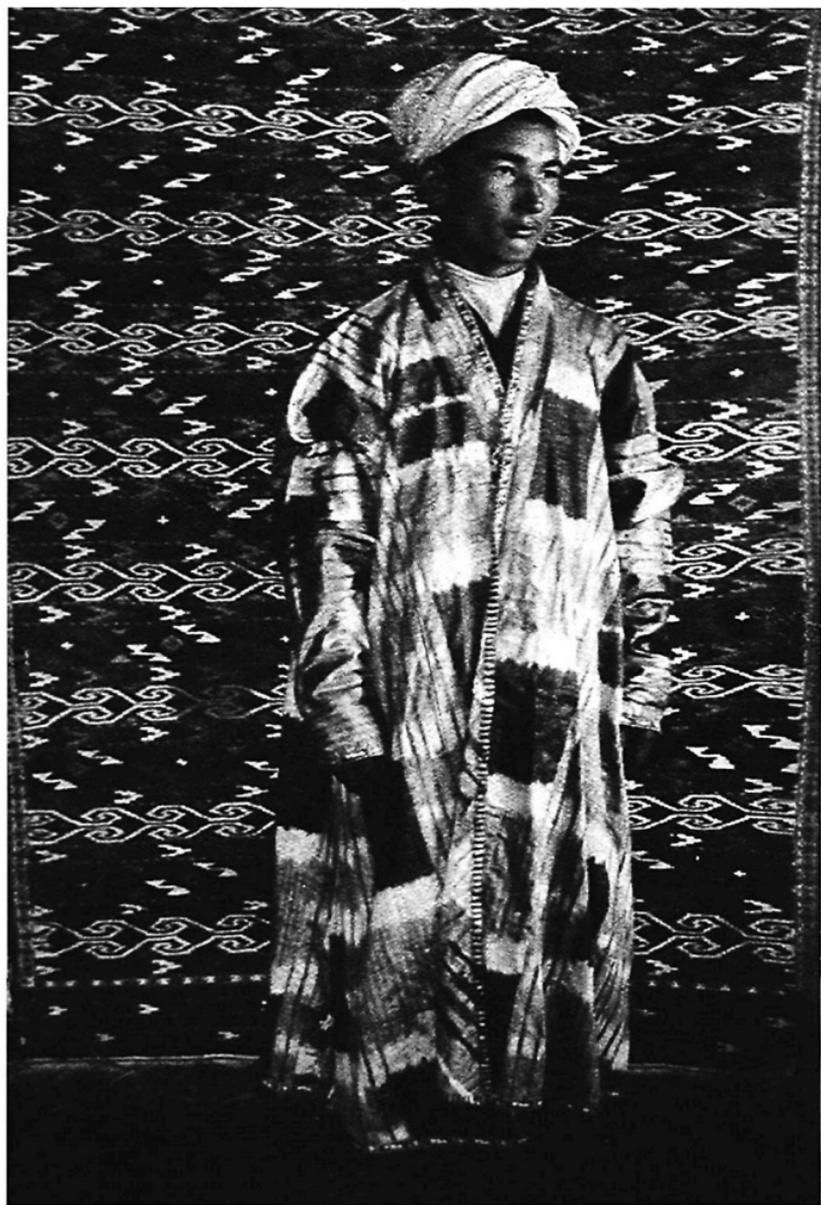
рей и наличниковъ—вотъ и все деревянное богатство внѣшняго фасада кокандскаго дворца. Разобраться въ строгости стиля здѣсь нѣтъ ни малѣйшей возможности. Постройка XVII вѣка, дворецъ неоднократно былъ подновляемъ и перестраиваемъ и въ своемъ теперешнемъ видѣ сохранилъ основной принципъ мусульманской архитектуры — контраста свѣта и тѣни и стройка гаммы простыхъ и сложныхъ художественныхъ оттѣнковъ.

Внутренность кокандскаго дворца, въ особенности въ одной изъ своихъ частей очень характерна для сужденія о поздней восточной деревянной инкрустаци. Огромная комната, сплошь выстланная деревомъ, своими инкрустациями изъ слоновой кости и металловъ невольно заставляютъ вспомнить чудеса 1001 ночи; удачное соединеніе растительныхъ и животныхъ стилизованныхъ формъ съ изображеніемъ человѣка вводятъ насъ въ міръ красоты и сказки востока. Цѣлыми часами можно любоваться красивыми деревянными панно, подкупающими то простотою и строгостью, то свободною и игривостью и въ цѣломъ дающими то своеобразное впечатлѣніе, которое, кажется, навѣки не изгладится изъ памяти наблюдательнаго туриста. Неизвѣстный художникъ великолѣпно постигъ значеніе дерева, какъ декораціи и создалъ во дворцѣ цѣлые апартаменты, гдѣ нѣтъ ни камня ни форфора, а есть глубокая гармонія отдѣльныхъ консонирующихъ и диссонирующихъ деревянныхъ формъ.

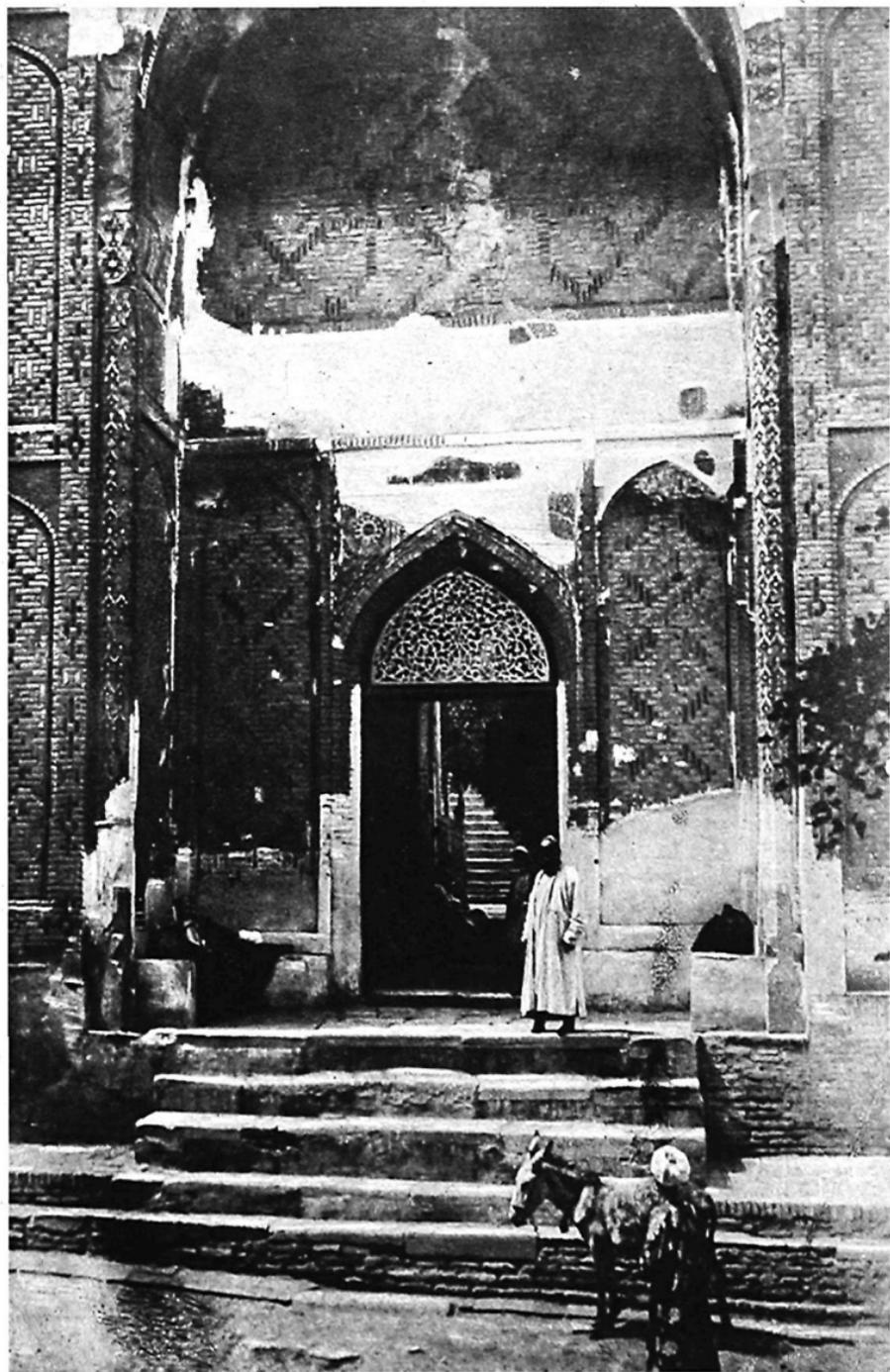

Перейдемъ теперь къ вопросу объ исламской керамикѣ. Исламская керамика была едва-ли не первой отраслью, куда уже давно тщетно пытались заглянуть европейскіе ученые; рядъ выдающихся коллекціонеровъ приложили массу старанія въ дѣлѣ собиранія ея образцовъ и своими работами позволили раздѣлить всю колоссальную керамику ислама на двѣ большихъ, отличныхъ другъ отъ друга группы. Если первая изъ нихъ имѣетъ дѣло исключительно съ облицовочными плитками, то вторая переноситъ насъ въ міръ своеобразной восточной посуды, то массивной и грубой, то легкой и изящной. Богатство формъ, декорація и глазурь восточной посуды всегда возбуждали справедливое изумленіе знатоковъ и любителей. Мы уже указывали, что искусство Средней Азіи неразрывно связано съ искусствомъ средней Персіи и Китая; и въ сужденіи о среднеазиатской керамикѣ намъ волей-неволей придется порою возвращаться къ только что указаннымъ этапамъ художественнаго творчества.

Оставимъ, временно, вопросъ объ облицовочныхъ плиткахъ. Говорятъ, что первое знакомство съ китайскими фаянсомъ и фарфоромъ на равнинахъ Средней Азіи произошло при Тимурѣ. Фавориткой и женой послѣдняго была Биби-Ханумъ китайская принцесса. Она привезла съ собою изъ Китая мастеровъ горшечниковъ и познакомила правовѣрныхъ съ техникой фарфора. Въ Китаѣ уже въ X вѣкѣ поэты воспѣваютъ фарфоръ сравнивая его съ тончайшимъ льдомъ, преклоняясь передъ бѣлой Керамикой. Однако китайцамъ не суждено было долго любоваться этой идилической картиной. Внезапное нашествіе монголовъ и татаръ въ XII вѣкѣ низвело на цѣть начатки китайской керамики; безвозвратно погибъ бѣлый фарфоръ провинціи Чили и знаменитый синій фарфоръ Шекіанга. Красивое китайское представленіе, что фарфоръ долженъ быть голубымъ, какъ небо, яснымъ какъ зеркало, тонкимъ какъ бумага и звучнымъ, какъ колокольчикъ, отзывчало уже какъ эхо красивой сказки.

Ковры и ткани туркменъ.

Самаркандъ. Входъ въ мечеть.

Техника фарфора была занесена въ страны ислама монгольской династіей Юань (1280—1386 г.).

Знакомство жителей небесной имперіи съ „селадомомъ“ и „кракля“ незамедлило перейти при давлѣющемъ господствѣ монгольскихъ династій къ персамъ и жителямъ Средней Азіи. Однако сразу же бросается въ глаза то различіе взглядовъ, которое существовало на эти издѣлія у персовъ и китайцевъ. Персидскій „кракля“ съ его тонкими прожилками отъ неравномѣрнаго обжига возбуждалъ лишь удивленіе, тогда какъ для китайца кракеллированный фарфоръ явился верхомъ совершенства глазури и красивой возможностью придавать керамическимъ шедеврамъ говорящую о протекшихъ вѣкахъ патину.

Искусство минской династіи (1368—1644) смѣняетъ китайскіе монохромъ на полихромъ и въ этомъ заключается одна изъ существенныхъ заслугъ великихъ реформаторовъ китайскаго искусства. Второй заслугой того же времени безспорно является знакомство мастеровъ небесной имперіи съ эмалью арабовъ. „Email champlevé“ явилась первымъ симптомомъ однотипности двухъ противоположныхъ искусствъ; email cloisonné, ея послѣдней стадіей. Позднѣе, въ той же минской династіи китайскій фарфоръ приобретаетъ новый синій цвѣтъ, занесенный повидимому, судя по названію, мосульманами. Это была особая *saïge de lunes*, рецептъ и техника которой были слишкомъ не долговѣчны. Начавшіеся смуты между китайцами и мосульманами положили конецъ ввозу „мосульманской синьки“. Говоря объ искусствѣ Китая мы должны помнить любовь и склонность къ традиціямъ съ успѣхомъ роднящихся между собою искусства Китая и мосульманскаго востока.

Китайскій горшечникъ долженъ былъ сдѣлаться виртуозомъ въ своей спеціальности или довольствоваться подражаніемъ классическимъ образцамъ.

Не то же ли самое мы видимъ въ искусствѣ примѣнительно къ народамъ ислама. Трудолюбіе и непрерывная копіровка твореній великихъ исламскихъ мастеровъ были какъ бы предвосхищены знаменитымъ китайскимъ живописцемъ Сие-Хо, установившимъ канонъ китайскаго искусства. Талантливые ученики Китая, персы охотно отблагодарили своихъ учителей, предоставивъ въ ихъ распоряженіе примѣненіе западно-азіатской кобальтовой синьки. Вся исторія „синяго“ китайскаго фарфора стоитъ въ зависимости отъ импорта этой краски на фарфоровыя фабрики Китая. Персъ и китаецъ одинаково ошупью идутъ пока въ дѣлѣ усовершенствованія исламско китайскаго фарфора; тамъ гдѣ замѣчается нехватка кобальтовой синьки, мастера съ одинаковымъ успѣхомъ примѣняютъ красный и зеленый оттѣнки

фарфора. Палитра красокъ китайско-исламскихъ мастеровъ постепенно расширяется. Знаменитѣйшіе художники доставляютъ эскизы и наброски величайшихъ керамическихъ твореній. XVII и XVIII вѣка являются періодомъ процвѣтанія рубиново-красной и зеленой Лангъ-яо, стоящей рядомъ съ синькой, чернью и характерной царской желчью.

Отличительными образцами персидскаго фарфора съ его своеобразной декорацией служатъ вазы съ фигурнымъ рисункомъ, рѣзко бросающимся въ глаза. Китайскіе детали перенесены уже на почву ислама. Лишенные ужаса, чуждыя напыщенности, онѣ служатъ здѣсь атрибутами чистаго оригинальнаго искусства. Если и въ Китаѣ замѣтна сугубая стилизація, то въ фарфоровыхъ образцахъ ислама она выражена не столь реально. Несмотря на примитивный, скицированный рисунокъ, декорация исламскихъ рисунковъ поражаетъ или своей фантазіей или реальностью и жизненностью своей трактовки. Указанная техника держалась въ Персіи, а слѣдовательно и въ городахъ Средней Азіи весьма долгое время. Еще и теперь въ Туркестанѣ сплошь и рядомъ встрѣчаются изящные по работѣ и поразительные по тонкости сосуды, такъ называемой, персидской формы. Круглые, угловатые или специфически-восточные съ перетяжкой сосуды, плоскія блюда, чайники и разнообразныя иныя мелкія фарфоровыя падѣлки расписаны по преимуществу орнаментальной декорацией, нанесеной по голубому фону. Ея мотивы опять-таки приводятъ насъ въ Китай; отсылая насъ въ глубь прошедшихъ вѣковъ она предлагаетъ намъ удачную комбинацію стилизованныхъ персидско-китайскихъ элементовъ. По преимуществу здѣсь встрѣчаются отдѣльныя фигурныя изображенія дракона—символы зла, Тши—эмблемы безсмертія, изящныя вѣтви и великолѣпныя райскія птицы съ распущенными хвостами. Нѣжная поэтическая надпись обычно говоритъ: „намѣреваясь идти въ пустыню и быть далеко отъ возлюбленной, пишу я эти строчки въ годъ бѣгства, дабы онѣ могли служить воспоминаніемъ обо мнѣ. Я надѣюсь, что та, которая живетъ въ моихъ мечтаніяхъ найдетъ себѣ отдохновеніе, поднеся этотъ сосудъ къ своимъ губамъ; она подумаетъ тогда обо мнѣ и будетъ благосклона къ моей любви“.

Влеu turquoise китайскаго бисквита несомнѣнно также говорить объ участіи исламскаго востока въ дѣлѣ керамической промышленности. Отдѣльные его этапы какъ нельзя лучше указывать на связь, которая существуетъ между фарфоровыми группами, и которая отрицалась европейскими учеными. Детали персидско-китайскаго орнамента явились превосходнымъ украшеніемъ не только мелкихъ предметовъ, но и большихъ фигур-

ныхъ фарфоровыхъ панно, завоевавшихъ себѣ права гражданства съ легкой руки шаха Аббаса I Великаго. Впрочемъ техника китайскаго фарфора никогда не достигала у мосульманъ той высокой степени совершенства, которой справедливо могутъ гордиться жители небесной имперіи. Ихъ фарфоръ, является неотъемлемой китайской собственностью, національной гордостью и, наконецъ, однимъ изъ факторовъ матеріальнаго благосостоянія страны.

Фарфоръ ислама слѣдуетъ разсматривать съ другой точки зрѣнія; онъ не можетъ считаться областью, гдѣ весь талантъ и скрытые художественные инстинкты мосульманъ проявились во всю ширь. Керамика Востока обнаруживаетъ несомѣнную склонность къ полихроміи; необходимо впрочемъ оговориться что попытки ея выявлены въ исламской керамикѣ слишкомъ слабо. Восточный керамистъ чисто-эмпирическимъ путемъ подошелъ къ знакомству съ тремя основными цвѣтами: голубымъ, желтымъ и бѣлымъ. Голубой цвѣтъ онъ узналъ, постоянно видя передъ собою, ясное, безъ единого облачка, неба; желтый, — усвоилъ, чувствуя подъ ногами раскаленный песокъ и наконецъ бѣлый — черпая изъ водоемовъ воду, играющую, какъ извѣстно, далеко не послѣднюю роль въ жизни каждаго правовѣрнаго. Равнымъ образомъ, засѣвая обширныя поля макомъ, мосульмане познакомились въ природѣ и съ краснымъ цвѣтомъ. Попытки комбинированія этихъ цвѣтовъ дали возможность адептамъ ислама ознакомиться мало по малу со всѣми существующими цвѣтами и нюансами. Незыблемо установлено, что исламское искусство по своей декоративности не имѣетъ себѣ равнаго. Усвоивъ себѣ принципы животной и растительной декорации, мосульмане постепенно сжились съ ними, избаловали себя красивой картиной восточныхъ цвѣтниковъ, одуряющими ароматами и тою чисто феерической обстановкой, съ которой ассоціируется у каждаго изъ насъ европейцевъ понятіе о далекомъ красочномъ Востокѣ.

Итакъ два главныхъ теченія: персидское и китайское играли выдающую роль въ жизни искусства Средней Азіи. Невольно возникаетъ вопросъ: какъ же поняли мосульмане Туркестана доставшуюся имъ въ удѣлъ задачу?

Какимъ образомъ подошли они къ ея рѣшенію?

Прямымъ отвѣтомъ на эти вопросы является искусство Средней Азіи XIV—XVII вѣка. Отдѣльныя теченія особенно замѣтны на керамическихъ издѣліяхъ. Ни какая другая область ни проявляла столько индивидуальныхъ особенностей, какъ исламскій фарфоръ. Практичные мосульмане менѣе китайцевъ заботились объ изяществѣ, стилѣ фарфора; они преслѣдовали

въ данномъ случаѣ чисто утилитарныя цѣли. Для ихъ обихода и совершенія „намаза“ необходимы были сосуды. Сообразуясь съ имѣвшимися въ ихъ рукахъ средствами, мосульманскіе горшечники не очень слѣдовали художественнымъ традиціямъ. Съ большой легкостью они перешли отъ фарфора, къ фаянсу, послѣ того, какъ увидѣли, что послѣдній менѣе пѣненъ и болѣе легко въ обработкѣ, нежели первый. Традиціи стариннаго фарфора, возведеннаго въ культъ знаменитымъ Аббасомъ Великимъ, отцомъ мосульманскаго ренессанса, были живы до того момента, пока потребность въ роскоши и нѣгѣ еще царила въ обстановкѣ мосульманина, когда каждый правовѣрный наслаждался красотой безпечальной жизни, пока наконецъ тяжелый рокъ исторіи человечества не коснулся жителей экзотическихъ странъ. Послѣ того какъ фортуна немилостиво повернулась къ приверженцамъ ислама и сразу исчезъ блескъ уклада восточной жизни, миновала надобность и въ изящной фарфоровой посудѣ. Исторія, правда, сохранила намъ отдѣльные экземпляры образцовъ бѣлой исламской керамики; они тщательно запрятаны въ музеяхъ, надъ ними работаютъ специалисты, пытаются воскресить минувшую жизнь, да изрѣдка на базарахъ Средней Азіи и Персіи промелькнетъ въ лавкѣ восточнаго „антикачи“ два, три примѣра тѣхъ сосудовъ, въ которыхъ даже неопытный глазъ сразу можетъ распознать вліяніе Китая, доминирующее надъ вліяніямъ національнымъ, чисто исламскимъ.

Базары Средней Азіи наводнены теперь современной исламской керамикой. Эта послѣдняя въ свою очередь распадается на чисто восточную, несравненно меньшую группу, и болѣшую, сфабрикованную подъ восточный вкусъ гдѣ-нибудь на западѣ, или у насъ въ Россіи. Западные фабриканты учли потребность жителей Средней Азіи въ дешевой, яркой и пестрой посудѣ и съ каждымъ годомъ увеличиваютъ туда экспортъ своихъ фабрикатовъ. Мосульманская керамика позднѣйшаго времени въ связи съ только что указанной причиной влечетъ жалкое существованіе.

Фаянсъ замѣстившій фарфоръ, окончательно вытѣсненъ теперь грубыми глиняными, обожженными издѣліями. Смотря на нихъ, съ грустью приходится установить печальный фактъ упадка нѣкогда обаятельной восточной керамики. Стилизація фауны и флоры, примѣненіе отдѣльныхъ, чисто орнаментальныхъ деталей, тщательность въ обработкѣ и каждая мелочь любовно-культивируемая мосульманами въ былое время—теперь забыты, какъ забыта и сама возможность прежней мощи ислама. Аляпыя рисунки, неестественность въ детализовкѣ отдѣльныхъ растительныхъ мелочей являются уже полнѣйшимъ анахронизмомъ,

Самаркандъ. «Шахъ-Зинде».

Старая Бухара. Кладбище «Ишанъ-Имля».

пережиткомъ стараго времени. Керамика востока послѣднихъ лѣтъ какъ будто родилась подъ новымъ американскимъ девизомъ: „время — деньги“. Естественный ходъ историческихъ событій предрѣшилъ, казалось, и упадокъ средне-азиатской керамики. Если теперь какому-нибудь сарту показать образцы чистаго фарфора, то онъ, усмѣхнувшись въ душѣ, равнодушно отвернется отъ нихъ и съ болѣею охотой будетъ говорить съ вами о достоинствѣ и стоимости грубыхъ раскрашенныхъ глиняныхъ издѣлій. Національная, да и то скорѣе персидская керамика преслѣдуетъ задачи поддѣлки старины, имѣя въ виду взять съ наивнаго любителя какъ можно болѣеую стоимость. Усидчивость мосульманъ обратилась къ долгову изученію методовъ подъ-и надъ-глазурныхъ рисунковъ. Специфическій дымчатый налетъ свойственный мосульманскимъ издѣліямъ старины, отдѣльныя, подчасъ неестественная стилизація рисунка усвоены были персами въ достаточной мѣрѣ. Къ счастью эта тенденція къ фальсификаціи совершенно не коснулась Средней Азіи. Упорная косность сартовъ и туркменъ не позволяла входить имъ въ оцѣнку продуктовъ керамической промышленности съ точки зрѣнія художества. Мотивы восточной декораціи, правда, встрѣчаются на посудѣ жителей Средней Азіи, а пережитокъ мощи и прочности вылился у сартовъ въ чрезвычайно толстыя и неуклюжія издѣлія, которыя, впрочемъ, ни мало не устрашаютъ средне-азиатскихъ обитателей.

Извѣстно, что ковры издавна явились главнѣйшею отраслью художественной промышленности Востока. Въ обиходѣ восточной жизни коврамъ приписывалась выдающаяся роль; съ ковромъ связанъ каждый моментъ человѣческаго существованія. Рожденіе и смерть, свадьба и похороны, молитва и совершеніе религиозныхъ обязанностей все это обязательно находило откликъ въ ковровомъ производствѣ. Цѣлый рядъ специалистовъ художниковъ компануютъ ковровые рисунки и задача эта считается дѣломъ далеко не легкимъ; художникъ долженъ былъ такъ комбинировать детали рисунка, чтобы какъ можно легче выявить обаятельность красочныхъ эффектовъ. На помощь ему была выдвинута уже знакомая намъ стилизація флоры и фауны.

До позднѣйшаго времени ковры средней Азіи не были выдѣлены специалистами въ отдѣльную группу и ихъ считали простымъ продолженіемъ персидскихъ ковровъ. Вѣроятно болѣе справедливымъ можно признать предположеніе, что центръ кочевыхъ племенъ Малая Азія еще задолго до Тимура явилась ко-

лыбелью восточнаго ковроваго производства. Тимуръ и его преемники поставили въ окрестностяхъ Бухары и Самарканда ковровую технику на должную высоту. Техника ковровъ Средне-Азіатскихъ слилась въ послѣдствіи съ таковою же техникой ковровъ персидскихъ и лишь теперь дѣлаются первые опыты болѣе подробной классификаціи средне-азіатскихъ ковровъ.

Всѣмъ намъ хорошо извѣстенъ терминъ „бухарскій“ коверъ, но, вѣроятно далеко не всѣ знаютъ, что подобная терминологія является грубой непростительной ошибкой. Дѣло въ томъ, что бухарцы, т. е. Сарты и Таджики сами ковровъ никогда не производятъ и вся фабрикація ихъ въ Средней Азіи сосредоточена въ рукахъ туркменъ, киргизъ и узбековъ.

Нѣкоторый переходъ отъ ковровъ чисто-персидскихъ къ коврамъ Средней Азіи баронъ Фелькерзамъ *) видитъ въ коврахъ Белуджистана, небольшой провинціи Сѣверной Персіи, коврахъ имѣющихъ слишкомъ индивидуальную окраску. Чисто-персидскіе ковры по колориту, по техникѣ и орнаменту діаметрально противоположны коврамъ Средней Азіи. Если въ первыхъ мы видимъ широту размѣра, пестроту красокъ и сравнительную неограниченность рисунка, то вторые при болѣе детальномъ знакомствѣ съ ними не могутъ по своей композиціи быть поставлены рядомъ съ персидскими. Ковры Персіи прежде всего являются объектами чистаго искусства; это „барометръ“, географическая карта страны, гдѣ каждый городъ, каждое селеніе могутъ быть легко узнаны. Другое дѣло среднеазіатскіе ковры. Ихъ принципъ зиждется на иной почвѣ; вѣчные кочевники киргизы и туркмены восприняли отъ сѣдой старины прототипъ своего жилища. Ихъ шатерь или кибитка безъ различія внѣшней формы—весьма древняго происхожденія; о ней, между прочимъ говорится и въ вѣтхомъ завѣтѣ. Подробное описаніе кибитокъ, оставленное намъ рядомъ путешественникомъ съ Марко Поло и Плано Карпини во главѣ, убѣждаетъ насъ въ томъ, что конструкція, способъ крѣпленія и внутреннее убранство ихъ остались таковыми же и до нынѣ. Вся разница между прежними и современными кибитками заключается въ роскоши и величинѣ самой кибитки. Характеръ современной средне-азіатской кибитки опредѣлилъ вполне характеръ средне-азіатскаго ковра. Быстрота перемѣщенія жилища изъ одного мѣста въ другое, лежащая исключительно на восточныхъ женщинахъ, должна была отразиться на свойствѣ средне-азіатскаго ковра. Изъ подъ

*) Старинные ковры Средней Азіи. „Старые Годы“—1914 г. Октябрь—Декабрь стр. 61.

опытныхъ пальцевъ ковровой работницы выходили преимущественно небольшіе, въ два-три квадратныхъ аршина портативные ковры, до сихъ поръ еще въ рисунокѣ и цвѣтѣ сохранившіе глубокую индивидуализацію.

Они безспорно изящны и красивы. Того дѣленія, какое принято въ персидскихъ коврахъ, ковры Средней Азии не знаютъ; въ нихъ почти не приходится говорить о трактовкѣ человѣческаго изображенія; имъ чужда свобода стилизаціи и присущъ правильный строгій рисунокъ.

Прежде чѣмъ перейти къ болѣе подробной классификаціи ковровъ Средней Азии, необходимо сказать хоть нѣсколько словъ о двухъ родахъ ковровъ, совершенно различныхъ по технике. Съ одной стороны это гладкіе безворсные ковры, носящіе названіе „Килимъ“, а съ другой—ковры бархатистые, стриженные,—ковры въ собственномъ смыслѣ слова. „Килимы“ Средней Азии въ общепитіи носятъ названіе „паласы“. Особенностью каждого килима можно считать его тканое происхожденіе и бахромѣ съ двухъ концовъ, какъ бы знаменующую вѣнецъ мусульманскаго ткацкаго искусства.

Безотносительно къ технике, но въ зависимости отъ своего назначенія средне-азиатскіе ковры распадаются на цѣлый рядъ категорій. Первое мѣсто здѣсь занимаютъ намазлыки или джей-намазы—молитвенные ковры, необходимые для совершенія мусульманской пятикратной молитвы. Молитвенные ковры играли большую роль во всей повседневной жизни мусульманства и и нѣтъ ничего удивительнаго, что на выдѣлку ихъ всегда было обращено особенно большое вниманіе. Въ связи съ ихъ распространеніемъ находится и самый рисунокъ намазлыковъ, характеръ котораго не трудно опредѣлить. „Михрабъ“ т. е. ниша, указывающая направленіе Меккѣ, простой или чаще украшенный изображеніемъ древа жизни, рисунокъ, составляетъ непремѣнный узоръ каждого молитвеннаго ковра. Мы знаемъ, что родиной намазлыковъ считалась Малая Азія; ея ковры поэтами востока возведены въ перлъ созданія; каноны ея рисунковъ разсылались по всему мусульманскому міру. Вѣроятно, что Средняя Азія въ свое время получила нѣсколько малоазійскихъ образцовъ. Но лѣнь, консервативность и унаслѣдованная отъ турокъ склонность къ прямымъ линіямъ, породили въ коврахъ Средней Азии особую строгую, мало замѣтную форму.

Художественная жилка жителей Средней Азии безспорно отразилась на большихъ парадныхъ коврахъ, носящихъ до сихъ поръ персидское названіе „хале“. Обыкновенно ихъ развертываютъ передъ торжественнымъ пріемомъ и разстилаютъ по полу кибитки, такъ какъ на востокѣ принятъ обычай сидѣть на полу.

Слѣдующая группа средне-азиатскихъ ковровъ предназначалась для умершаго, играя при погребеніи роль савана. Какъ и въ молитвенныхъ коврахъ, мотивы рисунка и орнаменты здѣсь весьма ограничены. Дерево жизни, буддійскіе шарики и нѣкоторыя другіе китайскіе атрибуты,—вотъ и всѣ украшенія подобныхъ скорбныхъ ковровъ. Упомянемъ еще объ осмолдукахъ и мафрачахъ или чувалахъ, являющихся принадлежностью свадебныхъ церемоній. Парные осмолдуки вѣшаются на верблюда, перевозящаго невѣсту. Чуваль или мафрачъ—мѣшокъ, вытканый мосульманской дѣвушкой собственноручно ко дню ея свадьбы. Въ виду особаго значенія мафрача, мосульмане Средней Азіи прилагаютъ не мало усилія и заботы въ дѣлѣ его изготовленія. Характеръ интимности, придаваемый обыкновенно чуваламъ, заставляетъ скрывать ихъ отъ глазъ любопытствующихъ иностранцевъ. Средне-азиатскій чуваль, какъ и свадебный коверъ далекой Персіи считаются фамиліею драгоценностью, переходящей изъ рода въ родъ и охраняющей послѣдній отъ всевозможныхъ бѣдствій.

Намъ остается еще сказать о двухъ видахъ примѣненія ковровой техники, чтобы въ достаточной мѣрѣ исчерпать теоретическій матеріалъ по коврамъ Средней Азіи. Мы имѣемъ въ виду интересныя „Энси“—наружныя завѣсы при входахъ въ туркменскій шатеръ и многочисленныя „капуннуки“—особой формы коврики, назначеніе которыхъ служить „лампрекенами“ кибитки.

Чистота, яркость и пониманіе краски могутъ считаться существеннымъ факторомъ въ дѣлѣ ковровой промышленности. Хаосъ цвѣтовъ, съ коимъ ассоціируется наше представленіе о восточныхъ коврахъ въ большей или меньшей степени зависитъ отъ интеллекта ковроваго мастера. Послѣдніе на востокъ представляютъ любопытный ремесленный цѣхъ. Никогда нельзя увидѣть ковровыя эскизы, тщательно моделированныя. Въмѣсто эскизовъ вы видите комплексъ отдѣльныхъ точекъ и линій, производящихъ на первый взглядъ очень безотрадное впечатлѣніе. Нужна особая способность мосульманина къ быстрому перевоплощенію, необходимо знаніе и любовь природы, чтобы понять постепенное превращеніе только-что указанныхъ точекъ и линій въ одно стройное цѣлое. Ковровый мастеръ востока помимо художественнаго чутія долженъ былъ обладать и недюжинными химическими познаніями. Но мосульманинъ имѣлъ дѣло исключительно съ растительными красками. Познанія химическихъ соединеній имѣли подъ собою не научную почву, а выработанную вѣками практику. Изъ кислотъ въ красильномъ дѣлѣ при-

Туркменский аул.

мѣнялись лимонная и сѣрная; изъ щелочныхъ реагентовъ—моча. Роль протравы издавна играли желѣзный купоросъ и квасцы.

Въ вопросѣ о ковровомъ орнаментѣ востока мы стоимъ на рубежѣ невозможнаго. Глубоко правъ былъ извѣстный знатокъ ковровой промышленности Ригль, говоря: „пусть укажутъ другую область художественной промышленности, для правильного пониманія которой требовалось бы такое множество разнообразныхъ познаній“. Нельзя не согласиться, что для рѣшенія всѣхъ вопросовъ, возникающихъ въ дѣлѣ изученія ковровъ нужны естественники, техники, художники и историки искусства. Выйдя на любой восточный базаръ и просматривая груды наваленныхъ тамъ ковровъ, невольно испытываешь жуткое состояніе. Многообразіе рисунка, яркость красокъ и симфонія ковровой орнаментаціи, ошеломляютъ на первый разъ cadaго. Лишь болѣе подробное знакомство съ техникой коврового производства, съ ихъ орнаментами и нюансами заставляеть отрѣшиться отъ перваго фактическаго впечатлѣнія.

Изъ растительныхъ формъ въ средне-азиатскій орнаментъ вошли тутъ, какъ символъ жизни, лотосъ и финиковая пальма, роза, какъ эмблема Персіи, кипарисъ и мелкіе цвѣты. Животные организмы также нашли себѣ мѣсто во всеобъемлющей ковровой промышленности. Путаница китайскихъ и персидскихъ заимствованій при изображеніи животныхъ формъ не позволяетъ точнымъ образомъ ориентироваться въ отдѣльныхъ этапахъ ковровой техники. Изъ чисто-китайскихъ животныхъ упомянемъ дракона и килина, изъ персидскихъ—льва, овцу, верблюда и многихъ насѣкомыхъ. Особенно интересными съ точки зрѣнія смѣшенія художественныхъ теченій слѣдуетъ считать ковры Самарканда, приближающіеся по технике рисунка по коврамъ Китая.

Вязка самаркандскихъ ковровъ обыкновенно груба и свободна. На ряду съ дракономъ и килиномъ здѣсь встрѣчаются и прерогативы минской династіи „Тши“ въ ихъ разнообразныхъ толкованіяхъ. Нѣсколько странный правда контрастъ со скромными китайскими узорами являютъ яркость и пестрота красокъ, еще необъясненные специалистами. Геральдическія изображенія и геометрической, съ примѣсью меандра, орнаментъ составляетъ спеціальность хивинскихъ ковровъ. Обычно небольшіе по размѣрамъ, и тщательно технически исполненные, хивинскіе ковры представляютъ изъ себя массовое нагроможденіе отдѣльныхъ деталей. Значительный по величинѣ четырехугольникъ посрединѣ ковра прорѣзанъ горизонтальной полосой на двѣ равныя части. Фономъ этого четырехугольника служатъ

красный цвѣтъ, обычно всевозможныхъ оттѣнковъ. Туркмены, одинаково падкіе къ красному цвѣту давно уже познакомили бухарцевъ съ драгоценнымъ кермезомъ и передали это красящее вещество въ обладаніе хивинцамъ. Въшвій бордюръ хивинскаго ковра замѣчателенъ тщательно подобранными цвѣтами, выгодно использованными въ эффектномъ геометрическомъ орнаментѣ.

Въ дѣлѣ развитія ковроваго производства интересна классификація ковровъ, основанная на основаніи главной составной части рисунка, называемой „Гюль“ или розой. Эта роза изображается въ видѣ четырехъ, шести или восьмиугольных фигуръ, наполняющихъ поле ковра. Самой характерной ковровой розой всѣми признается салорская роза, рожденная и воспитанная у одного изъ туркменскихъ племенъ: по своей структурѣ солорская роза — разукрашенный восьмиугольникъ, извѣстный въ Средней Азіи подъ названіемъ „соларъ-гюль“.

Едва ли будетъ ошибкой, если мы скажемъ, что салорская роза осталась основнымъ излюбленнымъ элементомъ орнамента, принятаго почти всѣми мосульманами Туркестана. Во всякомъ случаѣ салорскіе орнаменты и ихъ детали отличаются большимъ благородствомъ и указываютъ на несомнѣнное вліяніе въ нихъ персидскихъ вкусовъ. Въ болѣе сложныхъ и запутанныхъ рисункахъ встрѣчаются комбинаціи двойной звѣзды съ восьмиугольной „розой“. Красивое кружевное обрамленіе главнаго поля ковра должно быть рассматриваемо не какъ отголосокъ посторонняго вліянія, а какъ пережитокъ извѣстной самобытности. Но и въ такомъ даже случаѣ ковровый мастеръ учелъ всю выгоду пользованія орнаментомъ вообще, обративъ его изъ чисто геометрическаго въ стильно кружевной. Не только въ салорскихъ, но и вообще въ туркменскихъ коврахъ до позднѣйшаго времени были живы отголоски минувшихъ эпохъ. Китайская культура въ наше время отошла уже въ область преданія, но вѣрныя традиціи старины туркменки то здѣсь, то тамъ даютъ въ коврѣ болѣе или менѣе значительный отпечатокъ китаецины. Если обратить вниманіе на рисунокъ бухарскихъ ковровъ, съ его наклономъ къ прямымъ линиямъ и многоугольнымъ звѣздамъ, легко станетъ понятнымъ то широкое примѣненіе свѣтлыхъ контрастовъ, которымъ въ изобиліи пользуются неизвѣстные мастера ковроваго цѣха. Излюбленнымъ рисункомъ бухарскихъ ковровъ можетъ считаться неправильной формы звѣзда, болѣе длинная, нежели широкая. Уступчатые края такихъ звѣздъ никогда не бываютъ математически правильны. При ихъ выполненіи обращалось больше вниманіе на фоновыя отличія и на многочисленныя подробности фона такихъ

звѣздъ. Искусные художники умѣли въ такія звѣзды вкрапливать цѣлый рядъ звѣздъ болѣе мелкихъ, оставляя все свободное пространство между ними игръ и фантазіи красокъ. Какъ бы мрачно не былъ настроенъ житель Средней Азіи, какія бы минуты онъ не переживалъ, три основныхъ цвѣта: красный, синій и бѣлый доминируютъ въ его коврѣ. Бывало, что какой-нибудь изъ этихъ цвѣтовъ оказывался лишнимъ; въ такомъ случаѣ страдала симметрія рисунка. Нагроможденіемъ иныхъ, ничего общаго съ рисункомъ ковра не имѣющихъ, деталей, художникъ хотѣлъ поправить свою ошибку; иногда дѣйствительно какая-нибудь поэтическая вольность въ коврѣ была у мѣста, въ большинствѣ же случаевъ шла на смарку плоды долгомѣсячной и долгодѣтной работы. Большимъ счастьемъ для ковровой промышленности востока, служило полнѣйшее игнорированіе интересовъ и потребностей Западной Европы. Ковры изготовлялись для своего внутренняго употребленія и въ достаточной мѣрѣ служили показателемъ пониманія красоты.

Отдѣльные рисунки ковровъ даютъ иногда полнѣйшую смѣсь многочисленныхъ мелкихъ орнаментовъ и разбросанныхъ по всему внутреннему полю деталей. Въ коврахъ Средней Азіи мы не видимъ столь широкаго примѣненія медальоновъ, какимъ справедливо можетъ гордиться всякій чисто-персидскій коверъ; въ немъ медальонъ игралъ, какъ извѣстно первенствующую роль. Отъ богатства рисунка медальона и тщательности подборки отдѣльныхъ цвѣтовъ въ немъ зависѣла и стоимость персидскаго ковра. Какъ разъ обратное приходится наблюдать въ средне-азіатскихъ коврахъ. Цѣльный и стройный рисунокъ безотносительно къ его деталямъ выполняетъ весь коверъ. Бордюръ всегда согласованъ въ гармоніи цвѣтовъ съ общимъ ансамблемъ красокъ. Когда общій тонъ выдержанъ въ геометрическомъ рисункѣ, то таковой же рисунокъ замѣчается и на ковровомъ бордюрѣ. Случаи отдѣльнаго примѣненія посторонняго вліянія одинаково проникаютъ, какъ на средину, такъ и на бордюръ средне-азіатскихъ ковровъ. Таковы въ большинствѣ случаевъ ковры Бухары, Хивы и туркменъ.

По мнѣнію специалистовъ персидскіе ковры распадаются по рисунку бордюра на цѣлый рядъ разновидностей. Такого крупнаго дѣленія мы не можемъ указать въ коврахъ бухары и Хивы. Салорскіе ковры правда могутъ быть отмѣчены отдѣльнымъ примѣненіемъ ковровой каймы, но и эта кайма не можетъ по своей выразительности занять опредѣленное положеніе въ исторіи ковровой фабрикаціи.

Такова въ общихъ чертахъ картина ковроваго производства Средней Азіи. Ковровое производство здѣсь безспорно красочно

и оригинально, но, къ сожалѣнію, еще не достаточно изучено. Стилизованная флора, фауна, и жанровая сцена удобнѣйшимъ образомъ позволяютъ классифицировать персидскіе ковры; вѣроятно это и явилось причиной, что все вниманіе ученыхъ до сихъ поръ было обращено какъ разъ на ковры Персіи.

Отсутствіе этнографическихъ данныхъ и близость къ Россіи не позволило, вѣроятно, специалистамъ обратить должное вниманіе на средне-азиатскіе ковры, какъ на одинъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ искусства и промышленности Востока. Еще памятно то время когда восточные ковры пользовались у всѣхъ большимъ пренебреженіемъ. Мы не будемъ указывать на „историческіе“ примѣры подобнаго рода. Лишь 30 тому назадъ обладатели восточныхъ ковровъ не понимали ихъ красоты и не знали ихъ цѣнности. Съ легкимъ сердцемъ собственники восточныхъ ковровъ рѣзали ихъ на части, обивали болѣе мягкими по виду кусками свою мебель, а остатки, иногда самые цѣнные образцы коврового производства, сваливали въ уголь, какъ ненужный хламъ. Приблизительно въ это время въ обиходъ мирной восточной жизни стала проникать ковровая фальсификація введенная съ легкой руки нѣмцевъ и американцевъ. Чудныя, неизмѣняющіяся отъ времени растительныя краски фальсификаторы замѣнили ничего не стоящими анилиновыми красками. Порабощенные морально и физически, падкіе до легкой наживы, мосульмане схватились за болѣе дешевые способы ковровой фабрикаціи. Анилиновъ и его примѣненіе раздѣлилъ всѣ ковры Востока на старыя и новыя. Впрочемъ скоро первые опыты фальсификаціи съумѣли обнаружиться въ своемъ неприглядномъ видѣ.

Въ то время, какъ „новыя“ ковры очень быстро пачкаются и приходятъ въ полнѣйшую негодность, ковры „старыя“ съ теченіемъ времени пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе блескъ, красоту и художественность. Ревнивые къ сохраненію своихъ тайнъ жители востока также скрываютъ и способы ковровой фальсификаціи; повидимому они очень быстро поняли значеніе и цѣну подлинныхъ ковровыхъ фабрикатовъ.

Продавая коверъ, торговецъ обязательно старается увѣрить васъ, что вы покупаете цѣнный образчикъ туземной промышленности. Легко представить себѣ его изумленіе, когда по вашимъ словамъ, онъ видитъ передъ собою коммерсанта-скупщика ковровъ, которые въ изобиліи наводнили собой въ настоящее время Среднюю Азію. Тогда призывая на васъ благословеніе неба, онъ съ самымъ серьезнымъ видомъ станетъ доказывать, что тѣ же ковры уже не настоящіе а фальсифицированные. Дѣло объясняется просто: Германія и Америка большими партиями скупая восточные ковры отправляютъ ихъ къ себѣ и

тамъ на спеціальныхъ фабрикахъ смываютъ пестрый и кричащій анилинь; затѣмъ вновь по готовой протравѣ ковры покрываются болѣе нѣжнымъ, съ точки зрѣнія европейца рисункомъ и цѣна на такіе фабрикатъ въ Америкѣ доходитъ до баснословныхъ размѣровъ. Опытный западно-европейскій скупщикъ отбрасываетъ въ сторону настоящіе, неподдѣльные ковры. По его мѣнью на такіе экземпляры трудно найти покупателя, тѣмъ болѣе, что на время ни старанія опытныхъ химиковъ не въ состояніи уничтожить рисунка, нанесеннаго растительными красками.

Послѣднія десятилѣтія обнаружили сильнѣйшій интересъ къ изученію восточныхъ ковровъ. Трудами западно-европейскихъ ученыхъ основаны спеціальныя журналы, періодически выпускаются изслѣдованія и монографіи, посвященныя коврамъ вообще замѣчается усиливающийся интересъ къ изученію восточнаго искусства. Что же сдѣлано нами, русскими въ этой области? Какими трудами по искусству востока можемъ мы конкурировать съ нашими западно-европейскими собратьями. Отдѣльныя экспедиціи, снаряжаемыя время отъ времени въ дебри Средней Азіи преслѣдовали задачи, ничего общаго съ искусствомъ не имѣющія. Археологическое общество пыталось приступить къ изученію вышивокъ и ковровыхъ орнаментовъ, но изъ всего обширнаго матеріала былъ въ 1885 году изданъ первый и вѣроятно послѣдній выпускъ, далеко не охватывающій всего имѣющагося подъ руками богатства. Трудъ ген. Боголюбова, посвященный текинскимъ коврамъ явился частью описаніемъ коллекціи генерала, хранящейся теперь въ Петроградскомъ музеѣ Александра III и недоступной, къ сожалѣнію, ни обзорнѣю, ни детальному изученію. Скоро наступитъ то время, когда каждый настоящій восточный коверъ будетъ имѣть такую же цѣну и значеніе какъ и единичныя образцы старинной эмали, табакерокъ, фарфора и пр.

Роскошь, которая должна была явиться на территоріи Средней Азіи, какъ результатъ накопленія несмѣтныхъ богатствъ, награбленныхъ татарами и монголами во время ихъ безчисленныхъ набѣговъ, помимо ковровъ выразилась въ употребленіи вышивокъ и тканей, имѣвшихъ своей прямой цѣлью декоративную задачу. Эпоха Чингизъ-Хана и Тимура оказала сильное вліяніе на все искусство Средней Азіи. Уже въ 950 году Ибнъ Хаукаль говоритъ о Мервѣ, какъ о центрѣ бумажныхъ и полот-

нянныхъ тканей и слава, закрѣпленная за нимъ въ этомъ отношеніи не померкла до настоящаго времени. Многочисленныя ткани восточнаго производства отъ самыхъ скромныхъ до самыхъ богатыхъ, своимъ происхожденіемъ обязаны Мерву.

Искусство тканья было извѣстно персамъ съ незапамятныхъ временъ и первымъ исторически-вѣрнымъ матеріаломъ для тканья явился шелкъ, который подъ видомъ нитокъ уже со второго вѣка по Р. Х. привозился китайцами въ Среднюю Азію. Парфяне, искусные ткачи изъ льна и шерсти, быстро усвоили себѣ технику шелковой ткани и вывозили на свои рынки уже готовые продукты, тщательно оберегая способы шелковой выдѣлки. VI вѣкъ по Р. Х. и первыя времена принятія ислама ознаменованы монополіей шелковаго производства въ персидскихъ рукахъ. Это искусство, достигшее въ эпоху сефевидовъ (1499—1736 г.) полного расцвѣта, сильно заинтересовало затѣмъ средневѣковыхъ обитателей Западной Европы.

Уже въ XIII в. тканое производство Персіи играетъ большую роль, причемъ сами персы указываютъ на Мервъ, какъ на средоточіе шелковой и бумажной промышленности. Въ то отдаленное время ткачи вставили въ ткани декоративныя надписи и религіозныя формулы, съ пожеланіемъ процвѣтанія и счастья обладателю одежды. Исламское ткачество базировалось прежде всего на мягкой выработкѣ и ровномъ рисункѣ тканей. Восточное трудолюбіе, не знавшее вообще предѣловъ, выявилось здѣсь въ полной мѣрѣ. Скромныя одноцвѣтныя ткани удачно контрастируютъ съ богатствомъ декораціи и знаніемъ животныхъ и растительныхъ формъ. Уже съ XIII в. начинается болѣе близкое знакомство Средней Азіи съ Китаемъ, не замедлившее отразиться также и въ тканномъ производствѣ. вмѣстѣ съ монголами въ Среднюю Азію проникаютъ чисто-художественныя китайскіе представленія и символы. Драконъ Фо—символь долгой и счастливой жизни, и буддійскіе шарики были быстро усвоены Туркестаномъ.

Парча и восточныя бархаты пришли по вкусу обитателямъ Мерва. Впрочемъ надо сказать, что мотивы декораціи персидской парчи мало разнообразны. Дѣленіе парчи на двѣ большихъ группы подвинуло сильно дѣло ея изученія, но не внесло ничего яркаго и новаго въ этотъ вопросъ. Первая группа восточной парчи придерживается еще старой стилизаціи и симметрично-расположенныхъ орнаментальныхъ мотивовъ. Вторая—очень значительная преслѣдуетъ сильный натурализмъ съ замѣтнымъ преобладаніемъ Китая. Цвѣточный ромбъ или разсѣянные букеты цвѣтовъ чередуются съ изображеніями попугая, сокола и соловья.

Гораздо большимъ уваженіемъ жителей востока пользовался персидскій бархатъ, имѣвшій къ Мерву отношеніе и игравшій въ его жизни далеко не послѣднюю роль. Густыя вѣтви и отдѣльные цвѣты, разбросанные по бархатному фону явились былой спеціальностью стараго Мерва. Онъ не дожилъ, правда до знаменитыхъ исфаганскихъ травчатыхъ бархатовъ, ткавшихся по спеціальному заказу высокопоставленныхъ лицъ, но онъ зналъ одинаково выпуклость рисунка, технику аппликаціи и бронированнаго шва.

Все, что говорилось до сихъ поръ о шелко-ткацкомъ производствѣ играло большую роль въ исторіи стараго Мерва. Во время владычества сельджуковъ и сефевидовъ онъ являлся дѣйствительно поставщикомъ всѣхъ рынковъ Средней Азіи и учителемъ въ области ткацкаго искусства. Въ настоящее время значеніе Мерва, какъ центра ткацкой промышленности окончательно убито. Ввозъ матерій съ запада, выдѣланныхъ съ расчетомъ удовлетворить вкусамъ туземцевъ, съ одной стороны и конкуренція двухъ туркестанскихъ городовъ съ другой—положили новые пути, по которому и пошла средне-азиатская промышленность.

Убекъ, сартъ, кочевникъ-киргизъ съ успѣхомъ удовлетворяютъ потребности своего обихода рѣдко шелковыми, а въ большинствѣ бумажными фабрикатами, доставленными на восточные рынки услужливыми сосѣдями. Мервъ потерялъ свое величіе и богатство. Красота стараго Мерва осталась только въ сказкахъ и пѣсняхъ, да и тѣ слышатся все рѣже и рѣже и вѣроятно близко то время когда дивный уголокъ востока будетъ только объектомъ изученія очень не многихъ спеціалистовъ-исслѣдователей.

Самаркандъ—сіяющая точка земного шара.

(Персидскій стихъ).

Среди городовъ древней Согдіаны Самаркандъ или Маракандъ игралъ роль путеводной звѣзды въ исторіи политическаго могущества саманидовъ и сельджуковъ

Расположенный на одномъ изъ рукавовъ Заравшана (сыплющій золото), онъ вызывалъ безконечный восторгъ своими архитектурными памятниками. Его основаніе приписывается одному арабскому шейху, явившемуся въ долину рѣки Согды около половины V вѣка до Р. Х. Другая, болѣе поэтическая, версія основанія Самарканда называетъ городъ Келянъ-Афросіабомъ, относя его возникновеніе ко временамъ Афросіаба, сына Тура, мифическаго героя Средней Азіи. При Александрѣ Македонскомъ Маракандъ былъ стертъ съ лица земли и былъ по преданію отстроенъ вновь Самарромъ, рабомъ Александра. Расцвѣтъ Самарканда, какъ города падаетъ на время саманидовъ (874—999 г.) и сельджуковъ (1037—1300 г.). Самъ Чингизъ-Ханъ въ 1219 году овладѣваетъ, послѣ упорной защиты, городомъ Самарра. Послѣдовало полнѣйшее его разгромленіе, причемъ большая часть жителей была или умерщвлена или продана въ рабство. Ученые, художники, поэты бѣжали изъ разореннаго міроваго города въ Персію, Месопотамію и Малую Азію. Самъ знаменитый Джеляль-эд-динъ Руми нашелъ себѣ пріютъ въ Коніи. Еще въ началѣ XIV в., когда Ибнъ-Батура посѣтилъ Самаркандъ, онъ нашелъ большую часть города съ его мечетями и медресе въ развалинахъ. Рѣзко измѣнилась картина, когда Тимуръ (1336—1405 г.) сдѣлалъ Самаркандъ столицей своей всемірной монархіи. О красотѣ и мощи Самарканда того времени говорятъ многочисленныя восточныя и европейскія исторіи. Великій Тимуръ родился въ городѣ Кешъ въ Туркестанѣ. Изъ своихъ грабительскихъ походовъ отъ Дели до Дамаска, отъ

Аральскаго моря до Персидскаго залива онъ, хотя на короткое время, возвращался на родину. Тимуръ любилъ родину, какъ истый мосульманинъ и вспоминая ее, подготавливалъ себѣ достойный памятникъ. Своей столицей онъ сдѣлалъ Самаркандъ. Говорили, что невѣроятныя сокровища были сокрыты въ Самаркандской цитадели. Современникъ великаго завоевателя, Хафизъ прямо указываетъ на мощь и красоту города, вытекающую изъ стремленія Тимура покровительствовать строительному искусству и наукамъ. Историки говорятъ, что Тимуръ вызвалъ изъ всѣхъ провинцій Ирака, Азербайджана и Багдада, опытныхъ архитекторовъ и искусныхъ инженеровъ въ свою столицу; какъ фактъ передавали, что Тимуръ лично интересовался работами, часто прїѣзжалъ на постройки, давалъ указанія, дѣлалъ исправленія, а иногда и вновь заставлялъ перестраивать уже почти законченное сооруженіе. Особенностью построекъ Тимура, является ихъ персидское происхожденіе; архитектура Самарканда того времени носила специфически-персидскій характеръ. Свойственная персамъ склонность къ полихроміи, особенно замѣтна при разсмотрѣніи стѣнныхъ облицовокъ. Интересны данныя біографа князей Шерефъ-Эд-дина Али: воздавъ должное богатству Тимуровыхъ построекъ, онъ переходитъ къ устройству увеселительнаго замка (Баги-Шемаль — сѣвернаго сада). Шерефъ-Эддинъ Али указываетъ на колоннаду изъ тавризскаго мрамора; стѣны замка были облицованы золотомъ, украшены инкрустаціями ляписъ-лязули и художественно расписаны красками. Два полустипся у персидскаго исторіографа посвящены блеску двора великаго завоевателя. „Онъ былъ такъ хорошъ, что затмевался разсудокъ и мысль отказывалась работать“.

О постройкѣ большой Самаркандской мечети тотъ же авторъ говоритъ, что къ ней были приспособлены 200 каменотесовъ, вышедшихъ изъ Индіи, Персіи и Азербайджана, и что много ремесленниковъ и художниковъ со всѣхъ частей свѣта оставили на постройкѣ яркіе слѣды своей дѣятельности. Когда въ 1404 г. Тимуръ въ качествѣ побѣдителя явился въ свою столицу, онъ отдалъ приказъ построить необычайный по величинѣ и роскоши дворецъ, долженствовавшій затмить всѣ болѣе раннія сооруженія завоевателя. Архитектора и скульпторы Сиріи принимали самое дѣятельное участіе въ работахъ. Наконецъ, заканчиваетъ авторъ, изъ Персіи и Ирака пришли мастера и выложили стѣны поразительно тонкими по работѣ изразцами.

Въ одномъ персидскомъ манускриптѣ (1467—1468 г.) передающемъ только что цитированную исторію Тимура, находится интересная двойная миниатюра. Передъ нами постройка кирпич-

наго дома, украшаемаго мраморомъ и фаянсовой мозаикой. Передній планъ лѣвой половины миниатюры говоритъ намъ о доставкѣ на спинѣ слона мраморныхъ квадратныхъ плитъ; задній—переноситъ насъ къ чисто жанровой сценѣ: плотники за работой.

Задній фонъ правой половины миниатюры занятъ изображеніемъ колоннады; на переднемъ ея планѣ рабочіе готовятъ известку и занимаются переноскою плитъ. Эти иллюстраціи реально трактованныя могутъ служить нагляднымъ примѣромъ персидскаго характера построекъ Тимура. Декораціи и орнаменты обнаруживаютъ черты, незнающія посторонняго вмѣшательства. При разсмотрѣніи искусства времени Тимура и эпохи болѣе позднѣйшей нельзя не принять въ расчетъ не разъ упомянутого нами китайскаго вліянія; помимо опытныхъ комерсантовъ, Китай доставлялъ Тимуру искуснѣйшихъ мастеровъ. Согласно персидской пословицѣ того времени, китаецъ имѣлъ два глаза, европеецъ—одинъ, а негръ не имѣлъ ихъ совсѣмъ. Китайцы, напримѣръ, занесли въ Туркестанъ совершенно особую, перешедшую позже въ Персію, технику. Она состояла въ употребленіи бумажныхъ лоскутковъ скрѣпленныхъ небольшими гвоздиками и заплывавшихъ обычно своды потолоковъ. Технику эту, нашедшую себѣ большее примѣненіе въ мечети Гуръ Эмиръ занесъ въ Самаркандъ нѣкій челоѣкъ изъ Кашгара.

Отъ памятниковъ нѣкогда блестящаго царствованія Тимура, теперь къ сожалѣнію остались лишь однѣ развалины; онѣ впрочемъ краснорѣчиво говорятъ о знаніи и талантахъ Самаркандскихъ архитекторовъ. Послѣдніе опираясь въ своихъ сооруженіяхъ на персидскіе мотивы, тѣмъ не менѣ создали свой собственный средне-азиатскій стиль.

Наслѣдники Тимура—тимуриды господствовали въ теченіи XV вѣка, продолжая украшать во главѣ съ „великолѣпнымъ“ Улугъ-Бекомъ (1447—1449) Самаркандъ изящными постройками. При наслѣдникахъ Чингизъ-Хана, уже въ XVI в. Самаркандъ выдерживаетъ сильный натискъ узбековъ; ихъ различныя династіи владѣли Самаркандомъ вплоть до присоединенія его къ Россіи (14 ноября 1868 г.).

Особенностью Тимуридскихъ построекъ явилась, чуждая Персіи, изразцовая техника; мы имѣемъ въ виду такъ называемые рельефные изразцы, т. е. такіе, которые еще въ мягкомъ состояніи, до обжига, снабжались рельефами, а затѣмъ уже покрывались глазурюю.

Особо широкое распространеніе въ исламскомъ строительствѣ получила, какъ извѣстно, керамика. Египтяне, вавилоняне, ассирійцы и, наконецъ, персы знали и любили облицовку своихъ

построекъ цвѣтными глазурованными изразцами Самая ранняя пора облицовочной керамики совпадаетъ съ однотонной глазурью. Первые, еще робкіе, шаги въ этомъ отношеніи были предприняты въ отдаленное сассанидское время (III—VII по Р. X.). Принятіе ислама произвело цѣлый переворотъ не только въ умственной, но и въ художественной жизни востока. Любовь къ свѣту и тѣни исламской каменной архитектуры уже подготовила постепенно пышный расцвѣтъ полихромной глазури. Стѣнные украшенія вскорѣ достигаютъ особой степени совершенства. Религіозный подъемъ сыгралъ свою роль въ дѣлѣ изобрѣтенія цвѣтной керамики; золотые и серебряные сосуды были запрещены; по предписанію Мохаммеда золото и серебро исключительно были предназначены для приношеній святымъ. Пророкъ училъ, что всякій, кто употребляетъ на землѣ золотые сосуды, навѣки будетъ лишенъ рая.

Уже позже, въ XII в., въ періоды ослабленія коранскихъ традицій, во время проникновенія ислама въ Испанію, обожженный изразецъ получилъ въ мосульманскомъ строительствѣ полное право гражданства. Обожженный изразецъ явился превосходнымъ средствомъ стѣнной облицовки въ мечетяхъ, медресе и иныхъ зданіяхъ гражданской архитектуры. Судьба не сохранила до насъ ни одного памятника исламскаго частнаго строительства и намъ волей-неволей приходится ограничиваться данными, взятыми изъ персидской миниатюрной живописи. Изразцы по своему характеру принято раздѣлять на прямоугольные и полигональные. Подъ послѣдними разумѣются изразцы съ крестовиднымъ или звѣздообразнымъ рисункомъ, чаще всего восьмиугольной формы. Шестиугольная форма звѣзды, заполненная геометрическимъ рисункомъ встрѣчается несравненно рѣже. Обыкновенно каждый изразецъ даетъ строго законченный, опредѣленный рисунокъ.

Молитвенная ниша (Михрабъ) всегда бываетъ выстлана изразцами; ихъ рисунокъ говоритъ о молитвенномъ настроеніи правовѣрныхъ. Лампада и отдѣльные, чисто личные атрибуты составляютъ предметъ декораціи Михраба. Ранніе изразцы, восходящіе къ XII вѣку даютъ золотисто-коричневый тонъ. Комбинація креста и звѣзды—излюбленный рисунокъ болѣе раннихъ, намъ извѣстныхъ, изразцовъ. Сельджукская изразцовая орнаментация не преслѣдуетъ задачъ оригинальнаго искусства; время его хронологически совпадаетъ съ эпохою крестовыхъ походовъ, безпримѣрныхъ состязаній между западомъ и странами полумѣсяца. Персидско-арабская культура столкнулась съ исламомъ, христіанствомъ и эллинистическими традиціями. При дворѣ любителя каллиграфіи, философа Кей-Кобада I (1219—

1236 г.) были собраны поэты, ученые и мыслители того времени; имъ же, какъ мы видѣли ранѣе, былъ обласканъ и знаменитый Джалель-Эд-динъ Руми. Отличительной чертой сельджукской орнаментаціи считается геометрической и растительный рисунокъ; первый состоялъ изъ комбинацій звѣзды, сѣтки и нѣжнаго плетенія, что же касается второго, то его элементами явились вполнѣ распутившіяся арабески. Въ раннемъ персидскомъ искусствѣ до 1200 г. только что указанныя группы орнамента никогда не встрѣчаются вмѣстѣ. Въ началѣ XIII столѣтія отъ неизвѣстныхъ причинъ въ персидскомъ орнаментѣ произошло смѣшеніе геометрическихъ и растительныхъ мотивовъ. Слѣдующей по времени эволюціей восточнаго орнамента признаются гигантскіе надписи, написанныя разнообразными фантастическими почерками.

Китайское вліяніе постепенно усиливается въ XIV и XV вѣкахъ. Фениксъ, драконъ, килинь и „Тши“, правда въ персидской интерпретаціи, служатъ вѣрнѣйшимъ показателемъ напоса постороннихъ вліяній. За исключеніемъ голубыхъ рельефныхъ изразцовъ трудно, даже почти невозможно, установить развитіе дальнѣйшей изразцовой техники, по крайней мѣрѣ въ XIV вѣкѣ.

Расцвѣтъ исламской облицовочной керамики въ Персіи наступаетъ при Шахѣ Аббасѣ I Великомъ (1586—1628 г.). Эпоха персидскаго ренессанса лучше всего сохранилась въ мечетяхъ. Если украшенія мечетей носятъ еще извѣстный стилизованный характеръ, то веселое украшеніе частныхъ домовъ персіянъ переноситъ наблюдателя къ реальной восточной жизни. Оловянная эмаль безпристрастно передаетъ намъ гаремныя сцены, охоту и бытъ старой героической Персіи. Въ Средней Азіи техника мозаичнаго фаянса пышно расцвѣла въ постройкахъ Самарканда. Тимуръ и тимуриды заботливо культивировали ее, стараясь сохранить у себя ея секретъ; они въ своихъ завоевательныхъ походахъ доходили до Индіи и династія Великихъ Моголовъ была въ курсѣ техники керамической облицовки. Облицовки съ металлическимъ отливомъ технически могутъ быть разсматриваемы какъ живопись по глинѣ. Металлическій отливъ въ нихъ образуется особымъ сѣрнистымъ соединеніемъ серебра, желѣза и мѣди съ примѣсью различныхъ окисловъ. Распущенное на сильномъ огнѣ олово, вторично на огнѣ болѣе слабомъ, образуетъ прозрачную огнестойкую эмаль, которую остается затѣмъ лишь отполировать.

Техника металлическаго отлива въ сущности темна до сихъ поръ; всѣ слѣды ее указываетъ на Месопатамію и Персію. Вѣроятно можно установить существованіе двухъ главныхъ разно-

видностей цвѣтныхъ фаянсовыхъ плитокъ. Крестъ и звѣзда помогаютъ распознать эти разновидности. Плитки обычно окружены небольшимъ бордюромъ, выполненнымъ чаще всего письменамаи.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о тѣхъ орнаментахъ, пришлыхъ по характеру, которые мирно уживаются на территории исламскаго востока. Китайскіе элементы, сложнѣйшія декораціи сплошь и рядомъ попадаютъ въ исламскихъ мечетныхъ облицовкахъ. Такова мечеть Анаур близъ Асхабада, по общему ансамблю своему чисто-персидская. Въ ея треугольныхъ тимпанахъ, подъ большою аркой помѣщены изображенія двухъ великолѣпныхъ драконовъ въ типичной китайской трактовкѣ. Реальность ихъ изображенія доведена до апогея; ихъ гримасы вѣдь такъ краснорѣчиво говорятъ о китайской жизни!

Мы уже упомянули, что мировую славу Самарканда составляют его архитектурные памятники въ большинствѣ случаевъ, къ сожалѣнію, лежащіе въ развалинахъ. Остановимся нѣсколько подробнѣе теперь на памятникахъ Регистана, мечети Биби-Ханумъ, прославленномъ Гурь-Эмирѣ, памятникахъ Шахъ-Зинда и др.

Памятники эти въ исторіи архитектуры представляютъ несомнѣнный интересъ и къ сожалѣнію еще очень мало извѣстны. Труды Надара, Мозера, Крафта, капитальное изслѣдованіе Сарре и наконецъ прекрасная монографія о Гурь-Эмирѣ русскаго археологическаго общества пытаются болѣе или менѣе подробно освѣтить этотъ интересный вопросъ.

Однимъ изъ самыхъ примѣчательныхъ памятниковъ Самарканда считается мечеть Гурь-Эмиръ — „гробница владыки“. Массивный восьмигранникъ въ основаніи увѣнчанный голубымъ куполомъ, скрываетъ отъ глазъ любопытныхъ бранные остатки нѣкогда великаго завоевателя. Передъ мавзолеемъ расположенъ помѣстительный дворъ съ великолѣпнымъ порталомъ; стѣны мавзолея въ настоящее время находятся въ развалинахъ. Сама гробница помѣщается внутри четырехугольника, замкнутаго четырьмя нишами; она покрыта дорогимъ темно-зеленымъ камнемъ, расколотымъ на двѣ половины. Говорятъ, что камень расколосся, когда побѣдоносный Надиръ-Шахъ (1736—1747) приказалъ привезти его къ себѣ. Согласно другой, поэтической версіи онъ и прежде состоялъ изъ двухъ кусковъ и былъ подаренъ китайской принцессой. Другой гробъ, нѣсколько поодаль отъ гробницы Тимура принадлежитъ учителю великаго завоевателя Миръ-Сеиду Берке. У изголовья гробовъ два „ралэ“ — столы съ двумя крыльями, на которыхъ обычно лежатъ читаемый коранъ. Постройку Гурь-Эмира можно отнести къ 1495 г., (808 по Гиджрѣ) Гурь-Эмиръ въ своемъ первоначальномъ видѣ имѣлъ два минарета на нѣкоторомъ разстояніи отъ мечети.

Самаркандъ. «Гуръ-Эмиръ».

Старая Бухара. Минареть «Мирхарабъ».

Внукъ Тимура Улукъ-Бекъ расширилъ и дополнилъ надгробный мавзолей. Онъ связалъ оба минарета высокою входною нишей посрединѣ общаго фасада. На главномъ порталѣ мечети находилась громадная бѣлая, по голубому надписи: „сдѣлано недостойнымъ рабомъ Мохаммедомъ, сыномъ Мохаммеда, архитекторомъ изъ Исфагани“.

Высокій куполь и барабанъ Гуръ-Эмира, покрыты пестрой мозаикой изъ свѣтлой и темной синей глазури. На тамбурѣ повторяющаяся надпись: „Богъ есть вѣчность“. Внутри мечети интересны двѣ большихъ темно-зеленыхъ плиты, воздвигнутыхъ Улукъ-Бекъ. Ихъ надписи содержатъ княжескую генеалогію. Характеръ фаянсовыхъ облицовокъ гробницы Тимура былъ уже нами выясненъ ранѣе. Близкая связь тимуридскихъ построекъ съ постройками Персіи рѣзче всего обнаруживается въ орнаментѣ Гуръ Эмира. Формы орнамента мечети показываютъ растительный рисунокъ, заключенный въ отдѣльные большіе овалы. Мотивы кипарисовъ и простой розетки скомбинированы въ удачной свѣтовой гармоніи. Въ фаянсовой облицовкѣ розетка играла всегда выдающуюся роль. Мастеръ-архитекторъ во всю ширь использовалъ всеобъемлющій характеръ восточнаго орнамента. Розетки Гуръ-Эмира по рисунку сильно напоминаютъ стародавнее персидское плетеніе; этотъ симптомъ связи съ персидскою архитектурой въ Гуръ-Эмирѣ является далеко не единственнымъ. Мотивъ гранатоваго яблока и интересный рисунокъ персидскаго кружка наполняютъ облицовочныя плитки наружнаго портала Гуръ-Эмира.

Въ XIV вѣкѣ Персія явилась центромъ развитія и процвѣтанія каллиграфіи. Кромѣ множества персидскихъ и арабскихъ почерковъ, персидская территорія дала возможность окрѣпнуть и развиться декоративной чисто-китайской техникѣ. Постройка Гуръ-Эмира Мохаммедомъ изъ Испаніи уже говоритъ о вліяніи персидскихъ архитекторовъ на зодчихъ Туркестана. Другія мечети Средней Азіи также свидѣтельствуютъ о персидскихъ заимствованіяхъ. Такъ прекрасная Хазретская мечеть Туркестана была выстроена въ 1404 году архитекторомъ Хаджи-Хуссейномъ. Большой порталъ, теперь уничтоженный временемъ, отдѣляетъ собственную гробницу Тимура отъ большого двора, въ глубинѣ котораго рядъ гробницъ его женъ и дочерей. Ниши и своды Гуръ-Эмира выполнены сталактитами, которые помимо чисто-декоративныхъ задачъ, преслѣдуютъ цѣли поддержать двойной очень интересный куполь. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ луковичнымъ куполомъ, которому Шуази навязываетъ индѣйское происхожденіе. Луковичные купола, извѣстные индусамъ еще съ IX вѣка исполняютъ всегда чисто статическую функцію.

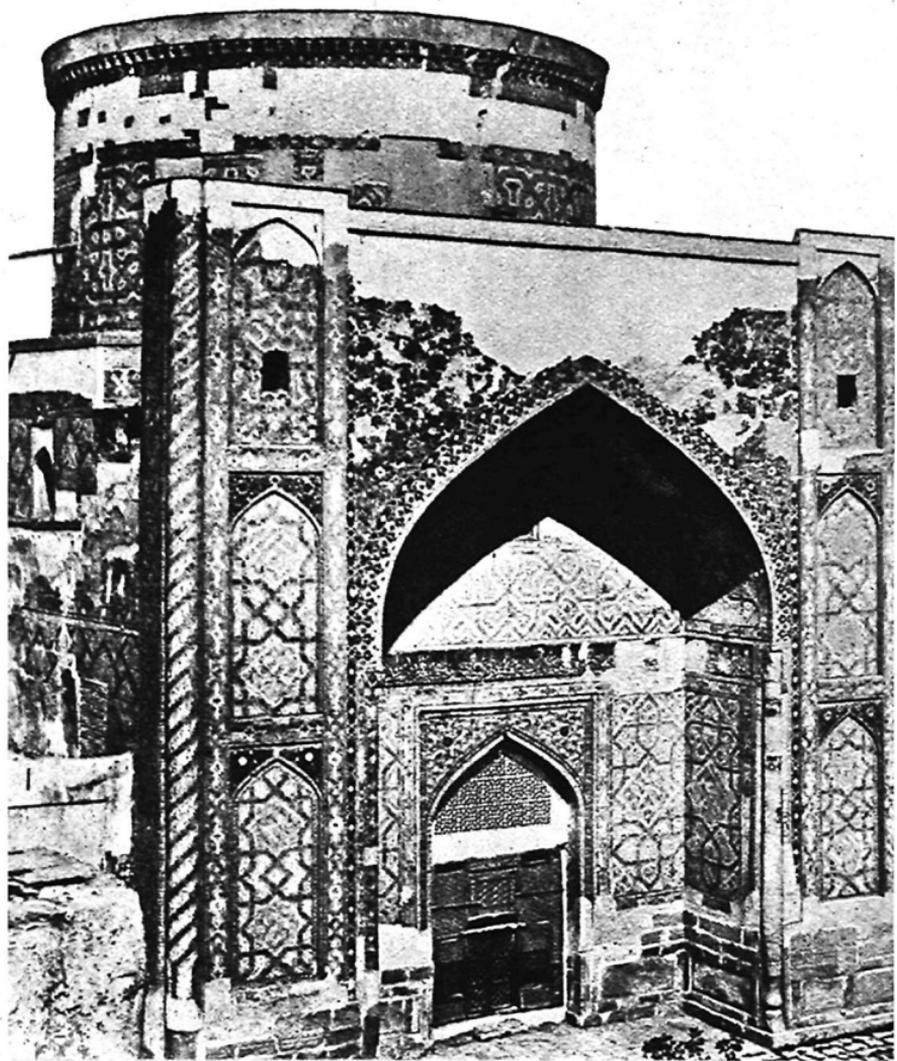
Ихъ устойчивость гарантируется массою отдѣльныхъ выступовъ. Вообще же луковичная форма купола, представляетъ то преимущество, что уменьшаетъ по отвѣсу барабана тяжесть самаго купола, а слѣдовательно производитъ давленіе обратное на внутренность стѣны. Распоры такого купола лежатъ на якоряхъ, вдѣланныхъ съ одной стороны въ самый куполь, а съ другой скрещаются въ центральномъ узлѣ на каменномъ основаніи. Снаружи куполь Гуръ-Эмира украшенъ полукруглыми ребрами, лежащими непосредственно одно около другого и убывающими постепенно къ вершинѣ. Нижняя часть этихъ реберъ поддерживается простыми сталактитами, срѣзанными въ прямоугольномъ сѣченіи.

Все зданіе Гуръ-Эмира облицовано маіоликой, сохранившей до нашихъ дней яркость и пестроту своихъ красокъ. Длинные тонкіе стебли трилистника обратились въ Гуръ-Эмирѣ въ самостоятельное цѣлое; въ рисунокъ и колоритѣ мозаики получилась удивительная аналогія съ постройками чисто-персидскими напр. съ знаменитой синею мечетью Тавриза.

Передъ мечетью Гуръ-Эмиръ находился гигантскій ралъ, на которомъ ранѣе помѣщался большой *in folio* коранъ, написанный куфическими письменами на кожѣ газели. Говорятъ, что это тотъ самый коранъ, который былъ написанъ Османомъ секретаремъ Мохаммеда и вторымъ Халифомъ. Эту святыню Тимуръ привезъ изъ сокровищницы султана Баязета въ Бруссъ.

На Регистанѣ, главной площади Самарканда, замкнутой со всѣхъ четырехъ сторонъ, помѣщается рядъ интересныхъ памятниковъ тимуридскаго строительства. На сѣверной сторонѣ площади находится медресе Тилля-Кари, на восточной медресе Ширъ-Даръ, на западѣ медресе Улукъ-Бека и наконецъ съ южной стороны площадь замыкается низкой приземистой постройкой, въ которой размѣщены лавки. Наслѣдники Тимура горѣли желаніемъ украшать великолѣпными постройками Самаркандъ и три только что названныя медресе Регистана безспорно принадлежатъ къ виднѣйшимъ постройкамъ тимуридской эпохи.

Перейдемъ теперь къ описанію медресе Улукъ-Бека. Оно построено царственнымъ любителемъ астрономіи вѣроятно всего въ 1434 году. Грандіозность и смѣлость замысла прямо поражаетъ. Трудно даже предположить, что этотъ памятникъ былого исламскаго могущества могъ быть когда-нибудь оконченъ постройкой. Главное зданіе состояло изъ грандіозной арки съ двумя наклонными минаретами. Въ этомъ зданіи, разрушенномъ уже въ

Самаркандъ. Медресе «Тилля-Кари» съ западной стороны.

Островъ Челекенъ. Типъ туркмена—Юмуда.

1701 году, находилась нѣкогда знаменитая, удивлявшая весь міръ обсерваторія, постройка которой началась въ 1440 году подъ наблюденіемъ Гаязъ-Эд-дина-Дшемшида, Муайна Кашани и ученаго израильянина Сила-Эд-дина-Багдади и окончена при Али-Кушчи. Здѣсь царь ученый наблюдалъ самарканское звѣздное небо, и составилъ второй послѣ Типпарха каталогъ звѣздъ. Великолѣпные инструменты, которыми онъ пользовался, были отлиты Кубилай Ханомъ по образцамъ Сунской династіи. Отъ всей постройки къ настоящему времени удѣлѣли 28 ученическихъ келій, минареты и два портала, одинъ изъ которыхъ служить главнымъ входомъ, а другой — входомъ въ мечеть во дворѣ. Главный порталъ возвышается среди сравнительно невысокой стѣны, связывающей между собою угольные минареты. Слегка наклоненные, они украшены разнообразной по рисунку облицовкой и выполнены силошь стилизованнымъ письмомъ. Верхній фризъ состоитъ изъ надписи и сталактитовъ. Главный мотивъ узора медресе Улукъ-Бека розетка съ пальметками въ трехъ кружкахъ.

Напротивъ медресе Улукъ-Бека, на томъ же Регистанѣ, расположено медресе Ширъ-Даръ. Оно основано въ 1610 году въ правленіе имама Кули, одного изъ князей династій Дшавидовъ. Несмотря на свое позднее происхожденіе этотъ архитектурный памятникъ обнаруживаетъ тотъ же консервативный характеръ, какъ и другіе старѣйшіе памятники Самарканда. Внѣшній видъ медресе вполне аналогиченъ медресе Улукъ-Бека. Средняя часть съ высокой входной нишей упирается въ двѣ низкихъ стѣны съ минаретами. Куполь медресе во всѣхъ своихъ деталяхъ напоминаетъ излюбленный куполь Бухары. Декорація медресе Ширъ-Даръ по рисунку одинакова съ таковою же медресе Улукъ-Бека. Мы должны быть признательны судьбѣ, сохранившей богатые остатки блестящей нѣкогда мозаики. Въ настоящее время какъ фасадъ Ширъ-Дара такъ и маіоликовья облицовки его испорчены и потеряны безвозвратно. Еще въ XVIII в. тимпаны большой арки портала были украшены двумя чудовищными львами, съ заходящимъ солнцемъ, отъ которыхъ, между прочимъ, медресе и получило свое названіе. Внутри Ширъ-Даръ распадается на три большихъ корпуса, съ высокимъ порталомъ, между которымъ по двору расположены келіи муллъ.

Особаго вниманія заслуживаетъ входъ въ медресе, обрамленный крупными письменами, заключающими въ себѣ 1—7

стихи 39-й суры корана. При поверхностномъ осмотрѣ мозаика Ширъ-Дара напоминаетъ мозаику, Медресе Улукъ-Бека; лишь при-сматриваясь къ облицовкамъ болѣе внимательно можно выдѣлить стремленіе керамическихъ мастеровъ къ большому выявленію фаянсовой декораціи, созданной не только въ основной персидской гаммѣ цвѣтовъ; кромѣ голубого, желтаго, зеленаго и бѣлаго нюансовъ, фаянсовая декорація въ ея красныхъ, золотыхъ и карминныхъ цвѣтахъ обнаруживаетъ основательное знакомство съ палитрой китайскихъ керамистовъ.

Сѣверъ Регистана занятъ архитектурнымъ памятникомъ приблизительно одного и того же времени съ медресе Ширъ-Дара. Постройка медресе Тилля-Кари или „раззолоченной“ датируется 1618 годомъ и связана съ именемъ Эмира Ялангуша Богадура.

Прослѣдимъ особенности этой постройки, начиная съ ея фасада. Въ то время, какъ другія мечети открываются одной высокой входной нишей, медресе Тилля Кари выходитъ на площадь длинной двухъэтажной постройкой; высокій входной порталъ ея завершается восемью меньшими нишами. Дворъ медресе выдержанъ въ стрѣго восточномъ духѣ. Нѣкогда богато раззолоченный куполь, отъ котораго медресе и получило свое названіе или никогда не былъ законченъ, или рухнулъ отъ времени. Высокій барабанъ молча высится надъ порталомъ. Послѣдній сохранилъ сравнительно хорошо свою декорацію въ то время какъ главный фасадъ окончательно утратилъ всѣ свои мозаичныя украшенія. Узоромъ нѣкогда обаятельной мозаики медресе, явились уже знакомыя намъ звѣзды и отдѣльныя комбинаціи вѣтокъ и пальметокъ. Часть медресе, называемая мосульманами Ханка такъ богата, что, по свидѣтельству очевидцевъ, уступаетъ лишь высокочтимой мосульманами мечети Имама-Резы въ Мешхедѣ.

Характернымъ памятникомъ эпохи тимуридовъ въ Самаркандѣ слѣдуетъ признать также и медресе Биби-Ханумъ, построенное Тимуромъ въ 1399 году въ честь первой жены своей, китайской принцессы. Фондомъ постройки этого памятника послужили награбленныя богатства одного изъ индѣйскихъ походовъ. Страстно любя свою подругу, Тимуръ не жалѣе ни средствъ для увѣковѣченія ея памяти, а потому призвалъ изъ всѣхъ

концовъ свей обширной монархіи лучшихъ мастеровъ и рабочихъ. Судя по заданію, этотъ архитектурный памятникъ долженъ былъ во много разъ превзойти все, до того времени построенное Тимуромъ. Объединеніе всѣхъ мосульманъ подъ одной кровлей явилось главной цѣлью монументальной постройки. Говорятъ что, постройка такъ понравилась Тимуру, что наградивъ по царски строителя, онъ далъ себѣ слово никогда больше ничего не строить.

На большомъ (120×90 метр.) дворѣ находятся развалины главнаго портала и двухъ небольшихъ зданій подъ куполами. Это были, повидимому, небольшія мечети, въ настоящее время служащія складочнымъ мѣстомъ для остатковъ полихромной фаянсовой облицовки. Помѣщенія для учениковъ, нѣкогда многочисленныя, въ настоящее время уничтожены настолько, что даже самыя развалины ихъ отыскать является дѣломъ далеко нелегкимъ.

Главное зданіе мечети медресе Биби-Ханумъ представлено мощнымъ квадратнымъ сооруженіемъ, среди двухъ прямыхъ минаретовъ. Сама постройка завершалась испещреннымъ надписями фризомъ, надъ которымъ возвышался грандіозный куполь. Нѣкогда мечеть была украшена свѣтло-голубой мозаикой. Основной квадратъ постройки на всѣхъ четырехъ сторонахъ оканчивался четырьмя глубокими нишами.

Чудовищная по своимъ размѣрамъ (25 м. высоты и 16 м. ширины) ниша главнаго портала считается однимъ изъ удивительнѣйшихъ шедевровъ персидской архитектуры. Заднюю сторону мечети составляла гладкая стѣна, теперь находящаяся въ развалинахъ. Эта стѣна широкой вязевой надписью была раздѣлена на двѣ половины, изъ которыхъ нижняя заключала въ-себѣ двѣ псевдо-ниши, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ огромнаго входа. Верхняя часть стѣны еще до сихъ поръ сохранила украшенія красиваго витѣватаго рисунка. Такой же рисунокъ выстилаетъ и псевдо-ниши. По три въ рядъ онѣ идутъ въ вертикальномъ направленіи и отдѣлены другъ отъ друга надписями, перемежающимися съ геометрическимъ рисункомъ. Цвѣтъ облицовочныхъ плитокъ варьируетъ отъ нѣжно-голубого до темно-краснаго. Съ двухъ сторонъ къ нишамъ примыкаетъ по минарету. Рисунокъ облицовки состоитъ изъ знакомыхъ намъ мотивовъ розетокъ. Прямоугольное между нишъ поле заполнено квадратными пестрыми изразцами; они заключаютъ въ себѣ въ большинствѣ случаевъ лишь надписи.

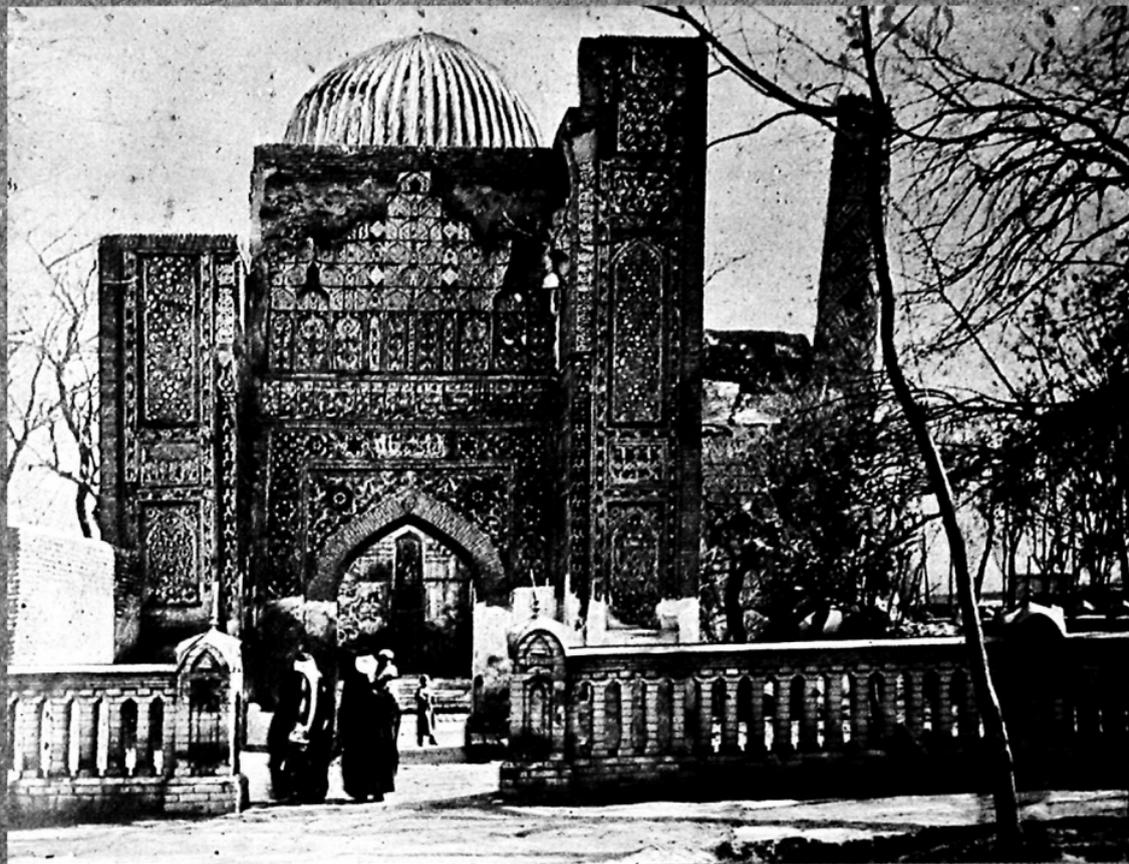
Досадно и обидно, что внѣшній видъ мечети такъ сильно разрушенъ. Рухнувшій большей своей частью куполь мечети обнаруживаетъ чашку на сталактивомъ основаніи. Высокій тамбуръ купола покрытъ повторяющейся куфической надписью:

„Богъ есть вѣчность“. Передъ главнымъ порталомъ мечети въ настоящее время поставленъ большой корайскій ралэ, раньше стоявшій въ мечети. Самъ коранъ сберегается теперь въ мечети Шахъ-Зинде.

Передъ воротами стараго Самарканда, недалеко отъ мечети Биби-Ханумъ, расположенъ некрополь стараго города. Склоны Афросіаба, заполненные двумя рядами надгробныхъ мавзолеевъ и соединенные открытымъ корридоромъ въ 29 саж. длины, народъ связалъ съ именемъ Шахъ-Зинде, т.-е. по переводу живой царь. Около некрополя постепенно сплелась красивая легенда, согласно которой распространитель ислама въ Самаркандѣ Куссамъ-Ибнъ-Аббасъ, двоюродный братъ Мохаммеда прибѣжалъ сюда послѣ пораженія своего войска и умеръ въ Самаркандѣ въ 56 году Хиджры (678 по Р. X.). За свою слѣпую вѣру, говорить легенда, Куссамъ-Ибнъ-Аббасъ до сей поры пребываетъ живымъ подъ склонами Афросіаба. Въ мавзолееяхъ Шахъ-Зинде погребены родственники и сподвижники Тимура; могила же самого Куссама находится въ особой мечети, за деревянной рѣшеткой, отпираться для чистки могилы одинъ разъ въ 10 лѣтъ. Изразцы усыпальницы Куссама-Ибнъ-Аббаса испещрены старинными арабскими почерками Сюлюсъ и Зюльфи. Войдя сквозь высокую арку, наблюдатель попадаетъ на широкую, идущую уступами лѣстницу, по обѣимъ сторонамъ которой расположенъ рядъ интереснѣйшихъ надгробныхъ мавзолеевъ. Купола ихъ частью разрушенные, частью цѣлые, говорятъ о былой роскоши постройки. Главный вѣшній порталъ построенъ Улукъ-Бекомъ въ 1434 году, въ годъ окончанія имъ своего медресе на Регистанѣ. Фасадъ некрополя почти исключительно украшенъ цвѣтной облицовкой; ея рисунокъ состоитъ изъ вязевыхъ надписей, пальметокъ и мощныхъ звѣздъ въ люнетахъ. Орнаментъ Шахъ-Зинде не блещетъ богатствомъ тоновъ и красокъ; за то весь фасадъ, его надписей, панно, заплечій сводовъ съ ихъ капителями, цѣликомъ высланъ тончайшей мозаичной облицовкой наборной работы. Гармонія цвѣтовъ, какъ нельзя болѣе проста, съ явнымъ преобладаніемъ бирюзовыхъ и свѣтлыхъ оттѣнковъ. Фасадъ Шахъ-Зинде относительно простъ; порталъ его далеко не сложенъ, а между тѣмъ всѣ выступы и углубленія медресе производятъ глубокое впечатлѣніе. Смѣсь розовыхъ и голубыхъ фаянсовыхъ облицовокъ необходимо поставить въ связь съ употребленіемъ вѣками выработанныхъ декоративныхъ правилъ. Путемъ непрерывнаго подбора исламскіе керамисты до-

Самаркандъ. Мечеть «Биби-Ханумъ».

Самаркандъ. «Гуръ-Эмиръ».

стигли въ своихъ композиціяхъ поразительныхъ результатовъ. Навя чуждыя художеству побужденія, захватившія въ дальнѣйшихъ эпохахъ исламскихъ мастеровъ погубили окончательно керамику, какъ одну изъ красивыхъ страницъ восточной промышленности. До той минуты, пока исламскіе керамисты всецѣло находились подъ обаяніемъ мысли о созданіи мощныхъ произведеній, объ упадкѣ восточной керамики не могло быть и рѣчи. Стремленіе къ удешевленію и популярности своего труда погубило красивый восточный изразецъ на томъ же самомъ основаніи, какъ анилинь испортилъ всю долгимъ временемъ выработанную эффектную красоту ковроваго производства.

Одинъ изъ высокихъ куполовъ Шахъ-Зинде принадлежитъ мавзолею Тимуровой кормилицы Ольдше-Аимъ. На высокомъ барабанѣ, съ большою надписью кругомъ высится куполь, отъ времени лишенный какихъ бы то ни было украшеній. Нѣкоторые основанія заставляютъ думать, что куполь мавзолея никогда не былъ законченъ и слѣдовательно, никогда не носилъ цвѣтного покрова. Идя по узкой улицѣ Некрополя дальше, мы замѣчаемъ рядъ могилъ, но большей частью покрытыхъ небольшими куполами. Изъ 18 гробницъ, сохранившихся до насъ, на средней улицѣ некрополя мы упомянемъ нѣкоторыя наиболѣе интересныя. Одно изъ надгробій принадлежитъ сестрѣ Тимура, хотя сомнительно, чтобы этотъ памятникъ былъ предназначенъ именно ей. Входная рѣзная дверь покрыта интереснымъ рисункомъ, а изразцовая облицовка заключаетъ стилизованную, въ меандровомъ духѣ куфическую надпись. Идя далѣе по улицѣ мы наталкиваемся на надгробный мавзолей второго брата Тимура. Рисунокъ мозаики здѣсь очень богатъ и не лишень характерной особенноти тимуридскихъ построекъ. На узкой полосѣ отчетливо выдѣляется двухцвѣтная вязевая надпись: болѣе свѣтлая—даетъ начало стиха Сунны: „Во имя Аллаха милосерднаго. О боже дай намъ свѣтъ въ наши сердца“. Меньшая, темная надпись содержитъ скромную пословицу. Нижній конецъ надписи составляетъ ковровое поле, фонъ котораго заполненъ рисункомъ китайскаго характера.

Въ декоративномъ отношеніи интересенъ мавзолей второй сестры Тимуры—Чоджукъ-Бика и трехъ ея дѣтей, умершей въ 1371 году. Исторія сохранила намъ имена его строителей: Шемсутдина и Заинутдина. Квадратная типичная форма мавзолея по угламъ украшена сводами, покрытыми сталактитами. Внутренняя и наружная облицовка этой маленькой постройки по своимъ деталямъ не даетъ ничего новаго. Она обнаруживаетъ болѣе тонкое, вдумчивое выполненіе задачи. Внѣшнія колонки мавзолея представляютъ вѣнецъ изящества и по формѣ анало-

гичны съ формами деревянной архитектуры. Самый стволъ колонны украшенъ разнообразными мотивами арабесокъ. Невольное вниманіе обращаютъ на себя сталактиты мавзолея, сдѣланныя изъ обожженнаго фарфора. Помимо глазури они украшены композиціей вѣтвей и листьевъ и рисункомъ, мѣтко названнымъ французами *gipseaux*. Гипсъ наряду съ китайскимъ фарфоромъ представляетъ поучительную и сильную картину. Въ этомъ мавзолеѣ мирно уживаются два противоположныхъ теченія: мощное китайское и болѣе слабое персидское. И лучшимъ доказательствомъ подобнаго вліянія могутъ служить композиція орнамента и распределеніе красокъ. Большая чаша лѣвой стороны по своей структурѣ сильно напоминаетъ китайскія подѣлки изъ слоновой кости. Такіе же мотивы замѣтны на вѣнчикахъ главной арки. Композиція угловыхъ колонокъ трактована уже въ персидскомъ національномъ стилѣ. Въ колоннахъ даннаго мавзолея мы можемъ видѣть блестящій примѣръ примѣненія очень нѣжной розовой или бирюзовой пасты, составляющей секретъ исламскихъ керамистовъ и нынѣ, къ сожалѣнію, навѣки утраченной.

Остальные мавзолеи некрополя Шахъ-Зинде не представляютъ изъ себя ничего интереснаго.

Самаркандъ — единственный городъ, гдѣ исламская архитектура вылилась во всей своей широтѣ. Вліяніе Персіи и Китая, завоеванія національныхъ мастеровъ въ области зодчества — все это нашло яркое отраженіе въ постройкахъ Самарканда. Другіе центры Средней Азіи являются или слѣпыми подражаніями въ строительномъ искусствѣ, или настолько разрушены временемъ и людьми, что не представляютъ возможности изученія. Примѣромъ первыхъ служатъ Бухара, Ташкентъ, Хива, примѣромъ вторыхъ — Мервъ и нѣкоторыя мелкія поселенія.

Въ Самаркандѣ же, несмотря на глубоко измѣнившуюся внутреннюю жизнь города, несмотря на всеильное вліяніе новой культуры запада, образцы восточной архитектуры еще долго будутъ привлекать вниманіе изслѣдователей своей очаровательной, своеобразной экзотической красотой.

Мы привыкли думать, что Востокъ и цивилизація—два несовмѣстимыхъ понятія: мы представляемъ себѣ азіатскія народности, воплощеніемъ жестокости, грубости, насилія намъ покажется наконецъ страннымъ и удивительнымъ, что на востокѣ среди безпредѣльнаго варварства можно встрѣтить поэзію, что тамъ, гдѣ господствуютъ во всей силѣ разбой, убійства и грабежи—занимаются литературой.

Но наше удивленіе должно разсѣяться, если мы вспомнимъ, что Востокъ издавна былъ страной поэтическихъ грезъ и мечтаній, что именно тамъ общественная жизнь еще и до сихъ поръ сохранила отпечатокъ первобытности и всегда развивала склонность къ поэзіи и баснѣ, къ сверхъестественнымъ гинерболамъ и вымысламъ. У насъ поэзія — занятіе избраннаго меньшинства въ Средней же Азіи поэтическимъ творчествомъ увлекаются всѣ. Независимо отъ возраста и общественного положенія каждый пытается слагать стихи и выдумывать сказки. Они не представляютъ изъ себя ничего ритмически размѣреннаго, не скрываютъ за собой глубокаго таинственнаго смысла, они или непосредственное выраженіе чувствъ и переживаній поэта, или образный рассказъ о похожденияхъ и дѣятельности туземныхъ героевъ. А слушать творенія другихъ людей—это любимѣйшее занятіе восточныхъ жителей не только въ старину. но и въ настоящее время.

Уголокъ базара, чай-хане или просто лавочка мелочного торговца, часто служатъ благодарной аудиторіи мѣстному служителю Мельпомены.

Литература на Востокѣ стоитъ въ тѣсной связи съ религіей.

Поэзія, это существенная часть литературы, къ нашему времени уже совершенно утратила національный характеръ, и если приходится различать оттѣнки, характеризующіе породившую ихъ народность, то исключительно въ области религіи.

Оттѣнки эти постепенно сглаживаются, чему не мало способствуетъ все развивающееся общеніе между обитателями Востока. Въ настоящее время турки, арабы, персы, туркмены, узбеки и другія многочисленныя народности, населяющія среднюю Азію—всѣ являются поклонниками одной и той же музы.

Вездѣ встрѣчается одно и то же воображеніе поэтовъ, одни и тѣже метафоры и стереотипные образы: „розаи соловей“, „рѣсницы, подобныя шипамъ“, „густой паръ, вздымающихся вздохъ“ и т. п. Вездѣ одна и та же муза, о которой Ханыковъ, между прочимъ, говоритъ: „она поднимается дико и свободно, подобно тѣмъ страннымъ растеніямъ, которыя встрѣчаются на соленой почвѣ южной Азіи. Покрытыя колючками и шипами, облѣпленныя солью, онѣ чрезъ свою морщинистую кору, распространяють ароматическій, благотворный запахъ и носятъ на своихъ полусухихъ стебляхъ изящныя и яркіе вѣнчики цвѣтовъ“.

Литература ислама, какъ продуктъ творчества муллъ и ишановъ, извѣстная по многимъ переводамъ и научнымъ статьямъ, не можетъ служить предметомъ настоящаго очерка. Поэзія же, и главнымъ образомъ народное творчество, заключаетъ въ себѣ много оригинальнаго и своеобразнаго. Вотъ для примѣра образчики средне-азиатской поэзіи, собранныя Вамбери.

„Строить замки въ этомъ мірѣ вещь бесполезная; подъ конецъ все обратится въ развалины, и строить, по истинѣ, не стоитъ труда.

„День и ночь истязая каждаго бѣднаго странника, постоянно работать и напрягаться, по истинѣ, не стоитъ труда.

„Друзья! мучить и тревожить другъ-друга въ этомъ мірѣ изъ-за мимолетныхъ благъ, по истинѣ, не стоитъ труда.

„Изъ тщеславія и одного удовлетворенія своей страсти беспокоить больныхъ и слабыхъ, по истинѣ, не стоитъ труда.

„Обременять налогами, поборами, сотнею скорбей и заботъ, мулла хаджи, да и весь міръ мучить, по истинѣ, не стоитъ труда.

„Какъ можешь ты, Аллахъ Яръ *), выносить жизнь въ этомъ мірѣ; ты мучишься изъ-за того, чтобы погибнуть, — это, по истинѣ, не стоитъ труда“.

Такого одно изъ произведеній, въ чисто восточномъ стилѣ оплакивающее непостоянство и суетность свѣта.

Вотъ стихотворенія говорящія о любви:

*) Авторъ.

I. „Однажды вечеромъ пошелъ я къ моей подругѣ, ногами наступая тихо. Сладкимъ сномъ спала дорогая. Я обнялъ ее тихо, тихо.

„Я взялъ поцѣлуй съ ея губъ и усладилъ имъ свою душу; я обвилъ ея нѣжныя бедра и поцѣловалъ ее еще разъ тихо, тихо.

„Я сказалъ; „поцѣлуй же меня“.

— „Какъ, и тебѣ не стыдно?“ отвѣчала она. „Откуда ты пришелъ, туда и иди скорѣе, ступая ногами тихо, тихо“.

„Я разыгралъ упорнаго и не хотѣлъ идти. Она схватила мою руку и отодвинула меня. Наконецъ я увидалъ, что нѣтъ иного исхода и потому поплелся дальше тихо, тихо.

„Я пошелъ, но не выдержалъ и снова воротился назадъ. „О безжалостная, дай же мнѣ“, умолялъ я, „поцѣлуй тихо, тихо“.

II. „Пламенемъ горить моя душа, а подруга еще нейдетъ. Что я говорю, подруга? Возлюбленная моего сердца еще нейдетъ.

„Вся моя внутренность перегорѣла въ пепель отъ любви къ этой кипарисоподобной. Она такъ жестока, я не прихожу ей на умъ совсѣмъ.

Ея кудри вижу я во снѣ и въ глубокой скорби просыпаюсь утромъ я. И отъ волосъ этихъ кудрей мое сердце все-таки не можетъ оторваться.

„Лейла и Меджнунъ учатся у меня любви, а моя милая, дорогая все-таки не обращаетъ вниманія на мою любовь.

„Жизнь безумнаго Мешрефа, кажется, близка къ концу, а безстрашно порхающая все еще не думаетъ обо мнѣ“.

Приведенныя стихотворенія есть образцы народной поэзіи, но онѣ не лишены поэтическихъ чувствъ и нѣжныхъ выраженій любви.

Помимо произведеній народной поэзіи въ Средней Азіи и до сихъ поръ пользуются огромной популярностью творенія Невзи,—ученика знаменитаго шейха Абдуррахмана-Джами. Онъ внесъ въ литературу Востока болѣе утонченный вкусъ и облагородилъ грубое турецкое нарѣчіе Средней Азіи. Даже въ переводѣ на русскій языкъ въ стихотвореніяхъ Невзи чувствуется стоическая философія Востока съ одной стороны, и зной и ширь азіатскихъ степей съ другой.

I. „О, сердце, приди, поищемъ вмѣстѣ любезную, поищемъ кипарисоподобную, серебристошекую.

„Такъ какъ дорогую нашихъ очей высмотрѣлъ другой, то вѣдь и мы вмѣемъ глаза и потому поищемъ себѣ другую.

„Она услаждаетъ взоръ людей только прахомъ смерти, къ чему же томиться страстью? Поищемъ же себѣ другую красавицу.

„И если бы я не нашелъ подобной тебѣ, милой, повергающей весь міръ въ бѣдствіе, то найду смиренную, скромную, но со-страдательную.

„Поля и нивы мы объжмемъ ради дорогой, садъ разслѣдваемъ, луга обыщемъ.

Хотя желать полезно, но желаніе не должно же остаться неисполненнымъ; между большими и малыми, вездѣ, гдѣ только можно, мы поищемъ ее.

„О, Неваи *), ты вѣчно будешь искать ее; поэтому, прежде чѣмъ сойдтись съ нею, поищемъ терпѣнія и твердости“.

II. „Вдали отъ дорогой,—сердце, подобно странѣ безъ царя. Страна безъ царя, какъ тѣло безъ души.

„Что пользы въ тѣлѣ безъ души, о мосульманинъ? Оно подобно черной землѣ безъ душистыхъ розъ.

„Черная земля безъ душистыхъ розъ, подобна темной ночи безъ лучистой луны.

„Темная ночь безъ лучистой луны похожа на мракъ, въ которомъ нѣтъ никакого источника жизни.

„Мракъ безъ всякаго источника жизни подобенъ аду, не имѣющему райскихъ луговъ.

„О, Неваи, такъ какъ прекрасныя причиняютъ намъ столько мучевій, то нѣтъ сомнѣнія, что въ разлукѣ много скорби, а въ свиданіи нѣтъ ни малѣйшей помощи“.

Послѣднее стихотвореніе есть яркое доказательство того, какъ у восточныхъ поэтовъ, вышедшихъ изъ осѣдлыхъ народностей, одна мысль тѣсно связана съ другой, какъ стройно и, по своему изящно, они излагаютъ волнующія ихъ чувства. По мѣрѣ удаленія отъ границъ области, занимаемой осѣдлыми племенами Туркестана, встрѣчаются уже образцы другой поэзіи, поэзіи кочевыхъ народовъ. Чувствуется вліяніе шаманства, гдѣ выраженіе мыслей и чувствъ есть рядъ восклицаній и отдѣльных стиховъ безъ малѣйшей связи. Ихъ поэзія не знаетъ отдѣльных творцовъ и поэтому стихотворенія не долго сохраняютъ свою оригинальность.

Переходя отъ одного поколѣнія къ другому пѣсни кочевниковъ видоизмѣняются, получая новыя минутныя впечатлѣнія фантазіи автора или теряя строки, почему-либо не соответствующія моменту. Вотъ образецъ киргизской пѣсенки, дѣйствительно оригинальной и своеобразно прелестной:

— „Видишь ли ты этотъ снѣгъ? Тѣло моей возлюбленной еще бѣлѣ его..

*) Авторъ.

Гурменські ц'вці-музиканти.

Ks. Józef Poniatowski.

Portret w Jablonnej.

Самарканд. Мечеть «Ходжа-Хлыбырь».

„Видишь ли ты текущую кровь убитого ягненка? Ея щеки ярче еще.

„Видишь ли ты стволъ этого сожженнаго дерева? Ея волосы еще чернѣе.

„Знаешь ли ты, чѣмъ пишутъ муллы нашего хана? Еще чернѣе ихъ чернилъ ея брови.

„Видишь ли ты эти раскаленные угли? Еще бѣльшимъ огнемъ блистають глаза ея“.

Характерная черта поэзіи кочевниковъ, прерывистость и непоследовательность, особенно доказывается ихъ пѣснями. Кочуя по знойной пустынѣ, гдѣ на протяженіи десятковъ верствъ, не видно живого существа, киргизъ, сидя верхомъ на лошади, цѣлыми часами поетъ свои пѣсни. Его пѣсня—хаосъ впечатлѣній и переживаній.

Онъ поетъ о красотѣ своей лошади, объ очахъ возлюбленной, о встрѣтившимся на пути деревѣ, о собственныхъ обидахъ полученныхъ имъ отъ врага. Онъ поетъ о всемъ, что видитъ, слышитъ, или о томъ что приходитъ ему на умъ въ данный моментъ. Пѣсни кочевниковъ есть высшее воплощеніе безискусственности и простоты.

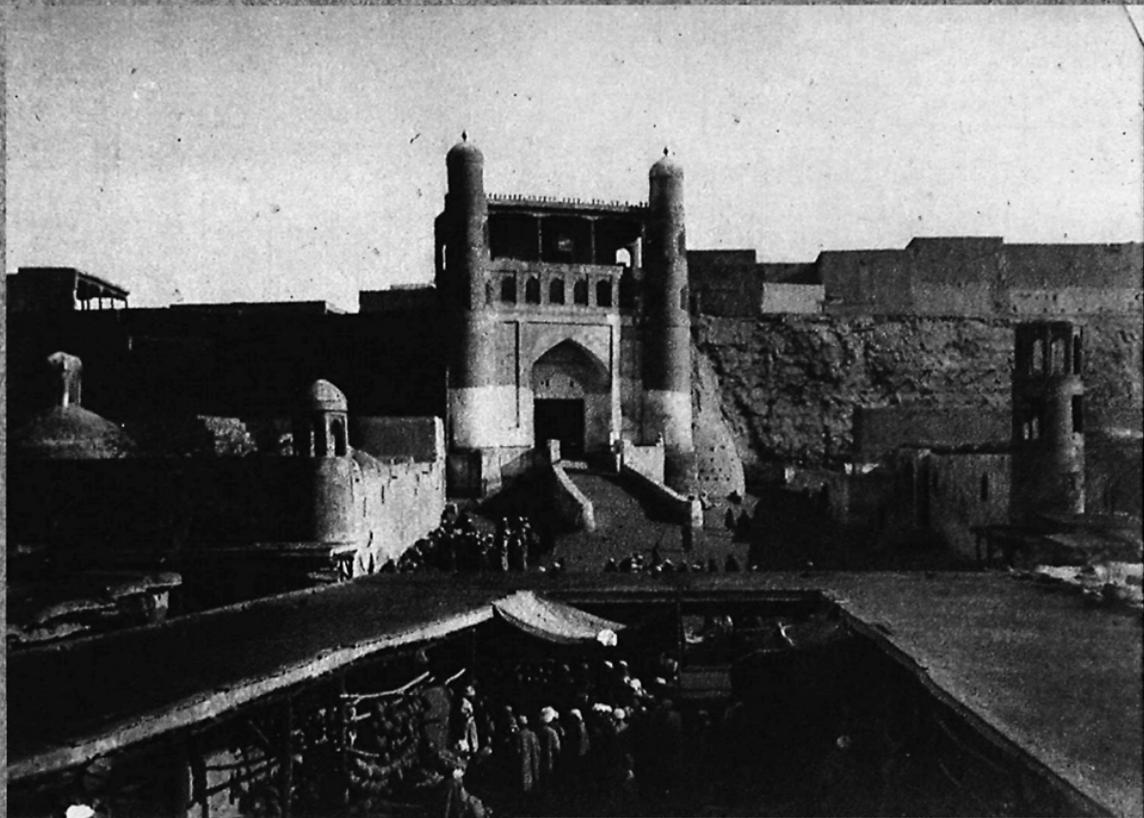
Въ поэзіи Востока, будь то плоды магометанской цивилизаціи или шаманства, произведенія цѣлаго народа или отдѣльных лицъ, есть одна общая черта: на ряду съ простотой и жизненностью передаваемыхъ событій или ощущеній, замѣчается удивительная образность и даже напыщенность языка. Можетъ быть, это то и привлекаетъ слушателей и заставляетъ ихъ часами слушать пѣвцовъ.

Въ городахъ Средней Азіи, куда проникла западная культура, гдѣ уже протянута телеграфная проволока, а по улицамъ бѣгутъ трамваи, гдѣ въ массу халатовъ и тюбановъ вмѣшались галстухъ и шляпа европейца, и всѣ устои общественной жизни пошатнулось вторженіемъ иностранцевъ, теперь становится понятнымъ увлеченіе толпы туземцевъ исполненіемъ незамысловатаго пѣвца народныхъ пѣсень.

Эти пѣсни говорятъ имъ о другой жизни, о другихъ далекихъ, но милыхъ временахъ, когда для счастья нужна была только личная отвага и смѣлость, когда блага жизни доставалось сильнымъ и хитрымъ, о любовь дарила свои цвѣты храбрымъ и ловкимъ.

Настоящій очеркъ, есть только слабая попытка, въ общихъ чертахъ, представить то колоссальное художественное и научное богатство, которое заключаетъ въ себѣ Средняя Азія. Вся она въ цѣломъ, пока только поверхностно затронута въ смыслѣ изученія; русскій Востокъ съ его блестящимъ, таинственнымъ прошлымъ смутно вырисовывается передъ взорами большинства и доступъ къ нему даже для специалистовъ изслѣдователей еще очень труденъ. Препятствія, стоящія на пути желающихъ приподнять завѣсу нѣги и обаятельности востока, до сихъ поръ еще не устранены. Условія мѣстности, затрудняющія посѣщеніе интересныхъ и важныхъ уголковъ Туркестана и характеръ уклада общественной жизни туземцевъ не давали возможности собрать исчерпывающій матеріалъ. Не смотря на проведеніе двухъ большихъ желѣзно-дорожныхъ линій (Гашкентской и Средне-Азіатской) путешествіе по Средней Азіи сопряжено до сихъ поръ съ большими затрудненіями; роль верблюдовъ и въ наше время не утратила своего значенія, а въ дѣлѣ отысканія и изслѣдованія памятниковъ восточной старины помощь коренныхъ жителей является прямо необходимой.

Населеніе Азіи, фанатически преданное исламу и его завѣтамъ, до смѣшного консервативное въ своихъ жизненныхъ правилахъ,—особенно ревниво бережетъ отъ пытливыхъ взоровъ иностранца свое историческое прошлое, и не охотно показываетъ настоящее; изъ религіозныхъ или какихъ либо другихъ, чисто-этическихъ соображеній, мосульманинъ скрываетъ обычно сокровищницы своего искусства, цѣнность котораго онъ и самъ достаточно ясно себѣ не представляетъ. Попытки изслѣдователей узнать на мѣстѣ историческое прошлое Востока терпѣли неудачи просто потому, что исторія тамъ существовала только въ разсказахъ и преданіяхъ. Желаніе создать исторію по образцамъ и памятникамъ, сохранившимся до настоящаго времени, встрѣчалось населеніемъ очень враждебно и вслѣдствіе

Старая Бухара. Крепостные ворота.

Самаркандъ. Регистанъ. Медресе «Тилла-Кари».

этого не давало положительных результатов. Изучение Средней Азии кромѣ того затрудняется еще тѣмъ, что сами туземцы, даже при желаніи, не могутъ оказать изслѣдователю существенной помощи; какъ мы видѣли знаніе изъ своей исторіи далеко не полно и хаотично, такъ какъ Востокъ по словамъ Вамбери, „Это—страна гдѣ слушать считается безстыдствомъ, спрашивать—преступленіемъ а записывать—смертнымъ грѣхомъ“.

Всѣ кто не слѣдуетъ указаніямъ Корана, для мосульманина — „невѣрные“. Жизнь и стремленіе ихъ для него совершенно непонятны и чужды; онъ, сталкиваясь съ культурой Запада или слушая фантастическіе рассказы о самомъ себѣ, съ гордостью восклицаетъ: „Слава Богу, что я мосульманинъ“. Все, что человѣчество съ большимъ трудомъ въ теченіи долгаго времени завоевываетъ, чтобы улучшить условія своего существованія, къ чему оно, стремится въ лабораторіяхъ, кабинетахъ, или редакціяхъ, все что на нашъ взглядъ поднимаетъ человѣка на извѣстную высоту и дѣлаетъ его царемъ природы,— все это по мнѣнію мосульманина — грѣхъ, идущій отъ шайтана; объ этомъ вѣдь ничего не сказано въ Коранѣ. Мало того что мосульманинъ не воспринимаетъ ничего чуждаго его духу и религіи, онъ такъ же не пускаетъ невѣрныхъ въ свою внутреннюю жизнь. Домашній бытъ, духовное развитіе народа, мечети и медресе съ ихъ художественными богатствами, своеобразное и иногда очень бурное прошлое—вотъ области куда невѣрные за послѣднія десятилѣтія проникаютъ съ большимъ трудомъ.

Въ настоящее время „Златой востокъ — страна чудесъ“ яснѣе вырисовывается изъ тьмы временъ, изслѣдователи уже смѣло читаютъ многія страницы нѣкогда пышной культуры, а необыкновенно интересный обликъ востока освѣщается лучезарнымъ свѣтомъ европейскаго знанія.
